

ПЕРЕПУТЬЕ: своевременные мысли Александра Стурдзы¹

*А.А. Романчук
(Кишинев, Молдова)*

«Размышления об учении и духе православной церкви» Александра Стурдзы — забытая книга забытого мыслителя.

Несправедливо забытого. Или, наоборот, — справедливо.

Ведь как ехидно и очень метко заметил Г. К. Честертон: «Каждый хочет, чтобы его информировали честно, беспристрастно, правдиво — и в полном соответствии с его взглядами».

Стурдза же всю свою жизнь писал то, что думал на деле, мало заботясь мнением как царей, так и народов. По словам В.С. Парсамова: «Взгляды Стурдзы на протяжении его жизни практически не менялись. Он был удивительно последователен и однообразен в своих суждениях».

Невольно вспоминаешь здесь киплингское «If». В самом деле: советник русского императора Александра I, сделавший к 23 годам блестящую карьеру и ставший фактически одним из соавторов такого эпохального для всей Европы политического документа, как «Акт о Священном союзе», Стурдза беспретпетно отказался от своего положения, когда обстоятельства потребовали от него выбора между статусом и исповедуемыми им принципами.

Впрочем, как бы то ни было, Александр Стурдза сегодня надежно забыт. Хотя «имя его на слуху» (М.В. Дегтярева), но вот чего же, собственно говоря, он хотел, к чему стремился — сегодня мало кто знает.

И очень жаль.

Потому что высказанные в свое время — и уже почти двести лет назад, многие из мыслей Александра Стурдзы как никогда своевременны именно в наши дни. В дни, когда человечество стоит на очередном перепутье.

Говоря так, я имею в виду отнюдь не теологические вопросы, поднятые Стурдзой. Более того, оставляя в стороне вопросы теологии (и предоставляя

¹ Статья публикуется с сокращениями. Полная версия статьи опубликована: <http://moldo.org/2nd.php?idm=1&ida=305>

судить о них теологам), замечу, что собственно основным предметом «Размышлений...», на мой взгляд, может считаться не столько теология, сколько политическая философия.

Как раз политическая философия Стурдзы и вызывает особенно острый интерес.

Чем же привлекают наше внимание «Размышления об учении и духе православной церкви» с этой точки зрения?

Пожалуй, прежде всего (и как бы удивительно это ни казалось) — либерализмом.

Я бы даже сказал: страстной, проходящей красной нитью через весь трактат проповедью либерализма. В том числе — политического либерализма. Именно либерализм является, на мой взгляд, основной ценностью для Стурдзы. И если пытаться дать наикратчайшее и емкое определение этой работе Стурдзы, то мне приходит на ум: «гимн либерализму». Либерализму, свободомыслию и толерантности.

И вот это-то поражает больше всего при непосредственном знакомстве с мыслями Стурдзы.

Поражает, поскольку ведь именно Стурдзу жалит известная хлесткая и злая эпиграмма Пушкина:

*Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу;
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.*

Пушкин же окрестил Стурдзу в другой эпиграмме «монархическим». И такое реноме, реноме «реакционера и мракобеса», с его легкой руки Стурдза имеет среди широкой публики и по сей день.

Впрочем, по замечанию М. В. Дегтяревой (2012), тогда, когда писались эти эпиграммы, «Пушкин не имел представления о системе взглядов Стурдзы. Свой слишком поспешный суд он вынес, поддавшись настроению ближнего круга — друзей из числа будущих декабристов». Которые, собственно, и сочли Стурдзу «реакционером и мракобесом».

И тем не менее вопреки мнению этих кругов либерализм Стурдзы не подлежит сомнению.

Достаточно привести здесь лишь несколько цитат из «Размышлений...», чтобы в этом убедиться.

Итак, Стурдза пишет: «Всякое правительство должно быть терпимым...» И «только обманываясь насчет собственной сущности, правительство может себе позволить быть нетерпимым».

Нетерпимость, по Стурдзе, закономерно приводит правительства к весьма печальному итогу.

Потому что «правительство, мало заботящееся или неспособное воспитывать поколения и упорствующее, тем не менее, запретить любое учение и любое иностранное мнение, напоминает земледельца, который, не потру-

дившись освоить целину на поле, претендует на то, чтобы заставить поле приносить один плод по предпочтению перед другим и заставить его не выращивать сорняки, постоянно с возмущением выдирая их».

Потому что «нет *безопасности* там, где тайна совести подвержена ложным толкованиям доносчиков... мирное исполнение культа, родственные связи между семьями, торговые отношения, цели соревнования стеснены, дезорганизованы, связаны и оспариваемы нетерпимостью. Нет доверия в государстве, где нет снисходительности и безопасности, и там, где лицемерие стало необходимостью».

Примечательно, что Стурдза весьма скептически относится вообще к единоличной власти: «Репрессивная власть, доверенная одному человеку, с необходимостью увеличивает произвольные действия и бедствия». И более того, фактически его идеалом является демократия («святая демократия» — используемый им эпитет).

Скептически он относится и к идее власти, основанной лишь на «принуждающей силе»: «Сила господства не существует без силы молитвы... Власть без молитвы только принуждающая сила, которая рано или поздно ломается».

Современная политология подписывается под этим тезисом двумя руками.

Наконец, отвлекаясь от текста «Размышлений...»: в более поздней служебной записке, написанной А. Стурдзой для Александра I при подготовке к конгрессу в Троппау (1818), Стурдза выдвигал идею постепенного ограничения вмешательства государства в общественную жизнь. И как в этом, так и в других своих трудах Стурдза выступал как последовательный сторонник отмены крепостного права в России. Причем необходимость подготовки реформы он считал делом сегодняшнего дня, а не отдаленной перспективы (Дегтярева, 2012).

Особое внимание стоит обратить на высказывания Стурдзы, направленные в защиту права людей на инакомыслие: «*Церковь и правительство, хотя оба облечены репрессивной властью, не имеют права судить внешнего человека за мнения человека внутреннего* <выделено мной. — А. Р.>, тем более отдельный человек не может присвоить себе право осуждать и преследовать себе подобных за то, что они думают иначе, в том, что касается религиозных верований... *Если он это делает из желания господствовать, он виновен. Если это делается для внушения учения, которое он считает лучшим, он безумец*».

И как квинтэссенция вышесказанного: «Человек теряет в осуждении себе подобных время, которое он мог бы употребить к своему усовершенствованию»².

² Впрочем, обосновывая право на инакомыслие, Стурдза обращается к проблемам еще более фундаментальным, а именно проблеме относительности истины. Так, Стурдза пишет: «По отношению к человеку истина, точно так же, как и все абстрактные качества, остается постоянно *относительной*, как на основании бесконечных

Наконец, пожалуй, самый интересный момент: Стурдза осуждает прозелитизм, и прежде всего прозелитизм настырный, воинствующий. Потому что «многовековой опыт показал, что добро осуществляется только медленно в нравственном и физическом смысле, что желать его скоро и принудительно — значит действовать во зло». По его словам, «один вид костров инквизиции может породить отступников и нечестивцев».

«Сколько опасного сумасбродства в стремлении к торжеству правды с помощью лжи, любви — принуждением, веры — лицемерием, надежды — запугиванием», — пишет Стурдза. Настырный прозелитизм приводит к тому, что «исповедуя одного и того же Бога Искупителя, одни и те же моральные и религиозные догматы, рвут друг другу горло за формулу, за конструкцию алтаря или право старшинства и торжественные церемонии».

«Вот таким образом дух прозелитизма и преследования охватывает отдельных людей», — пишет он.

Итак, вряд ли здесь нужны комментарии. Как совершенно правильно заметил один из крупнейших специалистов по творчеству А. Стурдзы В. С. Парсамов, «не Пушкин написал эпиграмму на Стурдзу, потому что тот был “мракобесом”, а наоборот, Стурдза стал считаться “мракобесом”, потому что Пушкин написал на него эпиграмму». И кстати, известны и многочисленные «хвалебные высказывания русских либералов в адрес Стурдзы за его “Рассуждение об учении и духе православной церкви”» (Парсамов, 2003). Либералы эти так или иначе исходят из той же «арзамасской» среды, к которой, как известно, принадлежал и молодой Пушкин и которая подтолкнула Пушкина к написанию злых эпиграмм на Стурдзу.

размеров реальности, которую она представляет, так и как следствие ограниченных пределов, в которых заключены способности наблюдателя». И он подчеркивает «опасность выделения отдельных частичных высказываний, служащих для обозначения единственной и безмерной по сути своей истины», которая предстает как «множество несовместимых и противоречивых выражений, как только их начинают толковать отдельно без внимания к предшествующим идеям».

Соответственно, заявляет Стурдза, «мудрость *терпима*, потому что она знает, что истина никогда не бывает полной во мнении людей, и она рассматривает ошибку только как необходимый реактив, чтобы пройти через горнило времени».

В качестве отступления отметим, что Стурдза добавляет вывод, который не грех было бы держать в уме и многим современным ученым: «Таков подводный камень всех научных исследований, которые, по множеству абстракций и анализов, приводят только к пагубным диссонансам и совершенно удаляют гармонию. Здравая критика уже открыла нам всю недобросовестность в раздроблении какого-либо произведения в ущерб целому, в ком одном может пребывать истина».

Вне зависимости от того, насколько Стурдза здесь оригинален, эти идеи весьма недвусмысленно свидетельствуют нам опять-таки о либерализме и толерантности Стурдзы — и как мыслителя вообще, и как политического мыслителя в частности. Признание относительности истины закономерно реализуется им в признании плюрализма истин и признании необходимости быть терпимым к чужому мнению.

Почему же Пушкин (вернее, та референтная группа, с которой он себя тогда соотносил) так неприязненно отнесся к Стурдзе?

На первый взгляд может показаться, что виной в первую очередь другое произведение Стурдзы — «Записка о состоянии университетов в Германии». Эта служебная записка, опубликованная без ведома и против воли Стурдзы, очень неліцеприятно прошла по германским университетам и вызвала большой международный скандал, а в Германии — волну политических волнений, жертвой которых и стал Август Коцебу, немецкий драматург и одновременно русский подданный, находившийся на государственной службе по линии Министерства иностранных дел. Поминание Коцебу в эпиграмме, очевидно, говорит в пользу такого предположения (впрочем, Карл Занд, убийца Коцебу, составил свой план еще до публикации «Записки» Стурдзы и вне какой-либо связи с ней — что не было тогда известно (Парсамов, 2003)).

Однако так ли уж неправ здесь был Стурдза?

Немецкие университеты того времени — феномен весьма «своеобразный». И во многом природа этого «своеобразия» восходит к тому, что сам Стурдза обозначил в своем определении немецких университетов как «обветшалых руин средневековья». Эта «обветшалость» ощущалась помимо Стурдзы: в конце XVIII — начале XIX в. разразился охвативший всю Европу университетский кризис — причем вопрос стоял буквально об исчезновении университетов. Прочитую: «В истории европейских университетов рубеж XVIII—XIX вв. ознаменовался кризисом — столь глубоким, что дальнейшее существование университетов вообще было поставлено под сомнение. Один за другим они исчезали с карты Европы. Из 143 университетов в 1789 г. к 1815 г. осталось только 83» (Андреев, 2009: 331). И самое главное: «...актуальные научные силы начиная с XVII в. преимущественно находились вне университетских стен».

Последнее особенно важно: университеты без науки, с нашей сегодняшней точки зрения, — профанация идеи. И насколько идея университетов была профанирована, особенно понятно на примере Франции: «Во второй половине XVIII в. обучение во французских университетах находилось на особенно низком уровне... Так, в Сорбонне еще со времен Декарта была запрещена вся новая философия, а профессора занимались разного рода побочной деятельностью, пренебрегая чтением лекций. Корпоративный строй здесь окончательно деградировал, приводя к тому, что на кафедры всходила “толпа пронирыливых невежд”, экзамены на докторские степени превратились в пустую формальность, а ученые дипломы покупали те, кто мог за них заплатить» (Андреев, 2009: 331).

Ответом на кризис европейских университетов стало движение «модернизации». И любопытно, что Карл Майнерс, главный теоретик «модернизации», отмечая «за учеными свойство организовывать “партии и взаимные интриги”», из примеров старых немецких университетов усматривал крайне малую вероятность, чтобы ученый мог дать объективный отзыв о своем коллеге, работающем в одной с ним научной области, а не руководствовался бы

какими-либо иными — корыстными, личными или партийными побуждениями» (Андреев, 2009: 463).

Разумеется, не стоит видеть здесь некую специфическую особенность ученых. Правильнее было бы сказать, что ученые — тоже люди и в определенных условиях в большинстве своем так же проявляют не самые лучшие свои стороны, как и все прочее человечество.

Особенности же организации университетов того времени, по всей видимости, провоцировали именно модель поведения, обрисованную К. Майнерсом. И применительно к российским университетам начала XIX в. ситуация была столь удручающей, что в 1827 г. Г. Ф. Паррот в служебной записке для Николая I («Об университетах внутренней России») попросту предлагал разом отправить всех преподавателей на пенсию и набрать новых.

Среди причин такой ситуации эксперты (в первую очередь тот же К. Майнерс) считали одной из главных именно то, что российские университеты были созданы по немецкой модели с ее правом выбора профессоров и прочими атрибутами автономии — и без учета российской специфики. Как писал Н. М. Карамзин: «В Лейпциге, в Гёттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук... Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда своих сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность чрез 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов — есть пускать в глаза пыль» (цит. по: Андреев, 2009: 463).

В связи с последним замечу: А. Стурдза в отношении российских университетов был полностью солидарен с Н. М. Карамзиным. Одной из главных ошибок Петра I, весьма серьезно повлиявшей на дальнейшую судьбу России, он считал то, что в России «университеты открыли раньше школ». Образно выражаясь, здание начали строить с крыши.

Возвращаясь к немецким университетам: обратим внимание, что как раз положение с либерализмом и толерантностью там было весьма своеобразное. Как указывает М. В. Дегтярева (2012), «в 1817 году чествование 300-летия Реформации сопровождалось беспорядками в университетах, сожжением антипротестантских книг, угрозами расправы над авторами. В этих условиях даже представители немецкого либерализма (Штейн, например) были весьма обеспокоены происходящим. Все это с трудом укладывалось в концепцию *либеральной* политики».

Поэтому в своей «Записке» Стурдза был во многом движим беспокойством именно за будущее свободы и самих этих университетов.

По словам М. В. Дегтяревой (2012), «беспокойство его было вызвано двумя причинами. Во-первых, тем, что начавшиеся волнения станут *источником распространения в Европе новой “волны” революций*, а во-вторых, тем, что они на долгие годы могут послужить *оправданием силовой политики*, то есть спровоцируют применение правительствами жестких мер. Стурдза опасался “крайностей”».

Да ведь и в самом деле «убийство Коцебу обрадовало не только европейских и русских революционеров. Аналогичные чувства оно вызвало у их антипода Меттерниха, который в письме к Генцу от 9 апреля 1819 года писал о “превосходном Занде”, давшем ему в руки могучее орудие для проведения в жизнь его системы» (Парсамов, 2003).

В «Записке» же Стурдза высказывал мнение о том, что германским университетам следует отказаться от конфронтации с правительством, и предлагал меры, направленные на стабилизацию обстановки в академических центрах, однако не в качестве «нормы», а лишь на время «карантина». До окончания волнений рекомендовались введение контроля над университетами со стороны муниципальных властей, назначение профессоров (вместо привычного избрания), проверка учебных курсов на предмет соответствия заявленным программам.

Подчеркнем — все это предлагалось им лишь как временная мера.

В целом А. Ю. Андреев полагает, что «советы Стурдзы по изменению университетского управления согласовывались с практикой “модернизации” университетов в XVIII в. и лежали в общем русле их движения к “классическому” университету». Также можно говорить о «созвучии его идей политике образовательных реформ в Пруссии, из которых родился “классический” университет» (Андреев, 2009: 467).

И на самом деле правители немецких государств все же прислушались к Стурдзе. Что, пожалуй, пошло немецким университетам только на пользу. Хотя, с другой стороны, нельзя не вспомнить здесь и мнение Ортега-и-Гассета, уже в XX в. писавшего: «Немецкий университет как *социальный институт* находится в плачевном состоянии. Если бы немецкая наука зависела исключительно от институциональных достоинств университета, она была бы совершенно ничтожна. К счастью, дух свободы, присущий немецкой душе, преисполнен воодушевления и научного таланта и сглаживает грубые недостатки своего университета» (2005: 27).

Таким образом, надо думать, что В. С. Парсамов (2003) справедливо замечает по поводу либерализма Стурдзы: «Когда он, по заданию Александра I, писал свою печально знаменитую “Записку о нынешнем положении Германии” для участников Аахенского конгресса, он был настроен в общем не менее либерально, чем когда писал “Рассуждение об учении и духе православной церкви”. Но это был либерализм особого свойства».

То есть, по всей видимости, все дело в том, что либерализм Стурдзы был «особого свойства».

В чем же его «особость»?

Как кажется, среди прочего ключевым все же является то, что либерализм Стурдзы сочетается с острой критикой Европы — и в первую очередь «либерализма по-европейски».

Вот недвусмысленное заявление самого Стурдзы: в Европе «уже столетие как хвалят терпимость. После долгих нападков из нее сделали помпезную выставку, но реальность только слабо соответствует возвышенным похвалам»³.

И, считал Стурдза, «только в России пассивная толерантность приняла характер постоянной и эффективной поддержки. Более того. Закон предоставляет без различия исповедуемого культа всем гражданам равенство гражданских прав, в соответствии с которым они могут претендовать на все общественные должности и пользоваться теми же правами». Так что, полагал А. Стурдза, «правительство, которое считают отсталым на поприще знаний и идей, называемых *либеральными*, фактически реализовало принципы, за которые другие государства Европы удовлетворялись только высказаться с похвалой».

Не будем здесь следовать за Стурдзой и пытаться решать, у кого с либерализмом и терпимостью было лучше — у России или Европы. Всяк кулик хвалит свое болото.

Хотя даже такой пристрастный в пользу Европы свидетель, как Астольф де Кюстин, писал, отмечая разницу между европейской *декларацией* и европейской *реальностью*: «По-моему, современные общества слишком гордятся уничтожением рабства. Реально же эта столь восхваляемая реформа до нынешнего дня существует лишь на словах; и если бы не коварная вежливость дипломатических языков Европы, мы не могли бы вообще отличить

³ Можно думать, что именно несогласие Стурдзы с «либерализмом по-европейски» предопределило непонимание его идей современниками (чрезвычайно увлеченными как раз всем европейским). В том числе и Пушкиным — впрочем, тогда еще совсем молодым.

И кстати, сам Пушкин как раз достаточно быстро осознал свою неправоту в отношении Стурдзы. Уже через шесть лет в письме к П.А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. Пушкин писал: «Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но **кой о чем и мыслим одинаково** <выделено мной. — А. Р.>, не лукавя друг перед другом». П.И. Бартенев, со слов тогда еще живого П.А. Вяземского, комментировал это следующим образом: «...познакомившись ближе, Пушкин не мог не уважать Стурдзу за высокие чувства ума и обширное образование» (цит. по: Парсамов, 2003).

Но, думается, объяснение П.И. Бартенева все же недостаточно. По всей видимости, к этому времени и взгляды Пушкина все более эволюционируют в сторону сближения с позицией Стурдзы — о чем, собственно, Пушкин и сам говорит в приведенной цитате. Да и в том же 1823 г. Пушкин пишет и «Мое беспечное незнание...», и «Свободы сеятель пустынный...». Еще позже Пушкин приходит и к написанию своего «Клеветникам России» — что так разочаровало многих российских либералов.

В какой мере на такой эволюции взглядов Пушкина сказалось влияние Стурдзы — сегодня судить, конечно, трудно. Но — явно сказалось.

кузнеца из Хорсби или шахтера из Нью-Кастла от римского раба» (цит. по: Мяло, 1994). А Тютчев в середине позапрошлого века критически замечал: если Запад жалеет о положении русских крестьян, то почему бы ему не пожалеть о фабричных рабочих Англии или ирландцах? Ведь, указывал он, человек, «равно чуждый Англии и России и изучивший обе страны», писал, что «в Соединенном королевстве существует по крайней мере миллион людей, которые много бы выиграли, если бы их сослали в Сибирь!» (Тютчев, 1913: 293).

Впрочем, это, пожалуй, мелочь на фоне куда более существенных расхождений между словом и делом современного Стурдзе Запада, когда одновременный призыв к гуманизму и либерализму сочетался с ужасающим отказом от них же. И не только на практике, но даже, что куда важнее, — именно *в теории*.

Я особо подчеркиваю, что именно *в теории*, поскольку безусловно есть фундаментальная, принципиальная разница между ситуацией, когда практика расходится с теорией — какой бы ужасной эта практика ни была, и ситуацией, когда теория освящает творящийся ужас, провозглашает его нормой. Вот это-то уже ужас в квадрате.

Позволю себе несколько обширных цитат из работы К. Г. Мяло (1994).

Отмечая, что в связи с колониальной экспансией Запада имели место «инфернализация и демонизация обитающих за пределами европейской ойкумены народов», она подчеркивает: «Гораздо меньше известно другое: то, что такое расчеловечение было не только идеологически (с отсылкой к преданию о сыновьях Ноя) обосновано, но и юридически оформлено в чудовищном документе, именуемом “Черный кодекс”»⁴. Который, кстати, был упразднен лишь в 1848 г.

Французский исследователь Луи Сала-Молен писал по поводу «Черного кодекса»: «...Это чудовищный документ... Он скрупулезно узаконивает бесчеловечность. Он возводит произвол в ранг закона. Он юридически организовывает уничтожение людей насильственными методами, жертвам которых негде искать защиты. При этом следует помнить, что такое полное отрицание правосудия представляет собой официальный документ: это был закон, действовавший и во времена абсолютизма, и во времена Республики, и в период Империи, и, наконец, при Реставрации»⁵. И, добавляет К. Г. Мяло: «Особого внимания заслуживает также “оглушающее молчание” (выражение Молена) философов-просветителей, тех, “кого

⁴ Речь идет о принятом во Франции ордонансе от марта 1685 г. Он был подготовлен при Кольбере и опубликован уже после его смерти. Текст «Черного кодекса»: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVII/1680-1700/Cernyj_kodex/text.htm.

⁵ «Черный кодекс» — конечно, очень плохой документ. Но его эмоциональная оценка Сала-Моленом и К.Г. Мяло не должна мешать заметить и тот факт, что «Черный кодекс» все же и защищал хоть в какой-то мере рабов от хозяев.

мы привыкли считать теоретиками Права и свободы...» И не в том ли одна из причин, спрашивает автор, что «работоторговля составляла примерно одну треть всего торгового оборота Франции?»

Так что Стурдза очень метко подметил эту поистине «ахиллесову пяту» либеральной декларации Запада.

Но здесь куда важнее другое: собственно, сам замысел «Размышлений...» возник у Стурдзы (и, надо полагать, у императора Александра I) потому, что имели место «попытки нескольких инославных христиан в России посеять волнения, возбудить сомнения среди верующих о чистоте догматов Восточной церкви; разномыслие, возникшее недавно из этого столкновения мнений в столице, короче, открытое нападение против государственной религии, вызвало необходимость нарушить молчание и защищаться, будучи атакованными». Речь идет об иезуитах, которые, находясь тогда под запретом во всей Европе (заметим!), нашли пристанище в приютившей их России.

Иными словами, причиной появления «Размышлений...» Стурдзы стал настырный прозелитизм Европы.

Причем прозелитизм многовековой, традиционный — и основанный на прочном теоретическом фундаменте (в данном случае — католическом). В самом своем трактате Стурдза справедливо обращает внимание на то, что все предшествующее время, начиная с момента раскола, именно католическая церковь весьма настойчиво пыталась добиться подчинения православной. «В 1204 году папа Иннокентий III послал нунция к Роману Мстиславовичу, князю Галицкому, чтобы побудить его отречься от веры отцов... В 1438 году Исидор, Митрополит Киевский, приглашенный на незаконный собор во Флоренции, ослепился соблазнами Римского двора и навлек на себя неодобрение всей русской церкви, исторгнувшей его из своей среды как неверного депутата. В 1576 году папа Григорий XIII сделал подобную попытку по отношению к царю Ивану Васильевичу через посредство теолога Родольфа Кленшена, но с малым успехом. В 1588 году иезуит Антонио Поссевино прибыл с миссией подобного рода... В 1688 году те же самые просьбы перейти к римскому обряду, подкрепленные самыми неподходящими к духу христианства доводами, были повторены царю Алексею через посредничество Яна Казимира, короля Польши. В различное время и до царствования Петра I иезуиты и другие монахи римского обряда пытались попасть в Россию под разнообразными благовидными предложениями. Петр Великий предписал иезуитам покинуть страну указом от 17 августа 1719, вывешенным в Москве. Высланные из Москвы за нарушение общественного порядка, за вредную переписку и дерзкие заявления, они были поддержаны заступничеством союзных России стран».

Увы, но факты эти (и многие другие подобные) действительно имели место.

И один из крупнейших европейских оппонентов Стурдзы Ж. де Местр полагал латинизацию условием «цивилизационного вхождения» России в Европу. Культурная же и языковая близость России и Греции в его глазах

могла оказаться полезной лишь в случае, если «латинизированная Россия» со временем будет содействовать возвращению Греции «в лоно Латинской Церкви». Так что «азиатская раса, оказавшаяся в Европе» (определение России из более ранней работы де Местра «Четыре статьи о России») интересует де Местра прагматически — с точки зрения расширения влияния католицизма (Дегтярева, 2012а).

Еще одной работе Ж. де Местра, «Письмо к одной православной», предшествует характерный эпиграф из Псалтыри (Пс. XLIV, 11): «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и **забуди народ твой и дом твоего отца** <выделено мной. — А. Р.>» (цит. по: Дегтярева, 2012а).

Удивительно ли, что обозрение всех этих фактов привело А. Стурдзу и к более радикальному выводу: со стороны Европы по отношению к России «страстная ненависть и беспокойство прикрываются обманчивой маской прозелитизма».

Заметим: это было написано более чем за полвека до «России и Европы» Н. Я. Данилевского. Уже и на этом основании, пожалуй, можно было бы действительно считать, что «его <Стурдзы. — А. Р.> произведение опередило свое время на два царствования» (Дегтярева, 2012а). И воспринимать Стурдзу как того, кто в определенной мере подготовил почву и для славянофилов, и для той же «России и Европы» (разумеется, не забывая о том, что при желании к духовным предтечам славянофильства можно отнести и протопопа Аввакума, и Ивана Грозного, и даже более ранних русских мыслителей). Вспомним, глядя на «Размышления...» Стурдзы, и монолог князя Мышкина из «Идиота»: «Католичество — все равно, что вера нехристианская... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти Церковь не устоит на земле и кричит: Non possumus! По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?»

Или Тютчева:

*Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас насилье и обман...⁶*

⁶ Стурдза не только также видит причину «двойной правды» Европы в конечном итоге в католичестве, но и формулирует тезис: «Претензия на земное Наместничество, будучи несовместима с духом христианства, стала источником всех бед, поражающих Западную церковь» (фактически это то же «Папа взял меч» — как и у Достоевского).

Итак, возвращаясь к главному: суть позиции Александра Стурдзы составляет призыв к либерализму — и одновременное осуждение «либерализма по-европейски»: либерализма «для себя», либерализма «помпезной выставки, слабо соответствующей возвышенным похвалам» и при этом сочетающегося с настырным прозелитизмом и нетерпимостью к альтернативным, неевропейским позициям. Осуждение это доходит до формулировки тезиса о «страстной ненависти и беспокойстве» Европы по отношению к России.

И безусловно, Стурдза тем самым задевает за живое и нас, живущих на двести лет позже.

Поскольку со времен Стурдзы если что и изменилось в ситуации с «либерализмом по-европейски», то, пожалуй, все же ситуация еще очень далека от благополучной.

Здесь хочу сразу оговорить: я ни в коей мере не считаю возможным сводить все проблемы России и постсоветского мира к «злому Западу». В конце концов, это не американцы придумали: «У России две главные проблемы — дураки и дороги».

Да и вообще позиция Запада по отношению к России (как и остальному миру вне Запада) все же гораздо сложнее (была и есть), чем это следует из тезиса Стурдзы: «...страстная ненависть и беспокойство прикрываются обманчивой маской прозелитизма». Современный Запад, как и Запад в прошлом, — это на самом деле «много разных Западов», с очень отличными позициями в отношении мира в целом и России в частности.

Хорошей иллюстрацией (хоть и не относящейся к России) может служить прежде всего пример отношения к индейцам. Прежде чем в Европе укоренилась идеология «расчеловечения» (термин К. Г. Мяло) по отношению к ним, как указывает И. Валлерстайн в своей работе «Европейский универсализм: риторика власти», ей предшествовала длительная борьба двух позиций в самой Европе: «В 1537 году папа Павел III издал буллу “Sublimis Deus”, в которой предписывалось не обращать американских индейцев в рабство, а крещение производить только мирными средствами. В 1543 году Карл V издал указ “Leyes Nuevas”, содержащий многое из того, что предлагал Лас Казас в отношении американских индейцев, в том числе запрет на организацию новых энкомьенд». И первую книгу одного из главных авторов «идеологии расчеловечения» индейцев, Сепульведы — «Democratesprimero», опубликовать даже не позволили (Валлерстайн, 2008: 7).

Да и тот же «Черный кодекс» (ордонанс 1685 г.) все же, как было отмечено выше, защищал хоть в какой-то мере рабов от хозяев. И более того — признавал даже возможность заключения браков между рабами и свободными: «Если свободный мужчина, не состоящий в браке с другой женщиной во время сожителства со своей рабыней, вступит в брак с вышеназванной рабыней в формах, предписанных церковью, такая рабыня через это станет свободной, а дети станут свободными и законными» (ст. 6). В том числе даже и мужчины-раба и свободной женщины: «Если мужчина-раб женится

на свободной женщине, дети как мужского, так и женского пола принадлежали бы к сословию своей матери» (ст. 13).

Если же говорить конкретно о России, то среди многих примеров нельзя не вспомнить, что в США в 1946 г. развернулась острая дискуссия о том, не будет ли правильным поделиться секретом ядерной бомбы с СССР.

Наконец, далек я и от мысли видеть в России исключительно «невинного агнца». Опять-таки, даже Тютчев и Достоевский не избежали соблазна помечтать о Константинополе (и поделиться своей мечтой с российским читателем). Да и вышеприведенная цитата из Достоевского отнюдь не пышет толерантностью (как и некоторые другие его произведения, особенно когда речь заходит об евреях; впрочем, не любил он и поляков, да и, похоже, вообще иностранцев).

Последнее вообще очень большая и острая проблема России, поскольку уж очень многие из самых светлых ее умов, упрекая Европу в «двойной правде», за собой эту же «двойную правду» замечать никак не хотели. И, как Достоевский, умудрялись сочетать выдающийся гуманизм и призыв к толерантности с потрясающими же ксенофобией и шовинизмом. И говоря о проблеме «либерализма по-европейски», мы никак не должны забывать и о той очевидной недостаточности либерализма вообще, которая (вопреки Стурдзе) так характерна для российской истории.

Но с другой стороны, если сравнить именно Стурдзу с упомянутым выше де Местром и другим его крупным оппонентом, аббатом Розавеном, легко увидеть фундаментальную разницу.

Потому что если Стурдза призывал к религиозной и вообще терпимости (своего рода: «пусть расцветают сто цветов»), если считал, что правильным будет положение, когда все христианские церкви будут мирно уживаться друг с другом, то его европейские оппоненты, весьма резко выступая против идей Стурдзы, одним из главных его заблуждений считали как раз призыв к терпимости (!).

Так, аббат Розавен (1822), писал (вменяя это русскому православию в вину): «Православный считает, что лютеранин, кальвинист и пр. тоже заблуждаются, и, тем не менее, он не проявляет ненависти не только к ним, но даже к евреям и магометанам, а довольствуется лишь сожалением об их заблуждении». Подобным же образом высказывался и Ж. де Местр (1819). Для де Местра «терпимость — всего лишь приличный синоним слова безразличие». Розавен вообще считал, что «нетерпимость есть существенная прерогатива истины». В терпимости же русского духовенства и де Местр, и Розавен видели проявление его слабости и ничтожества (эти высказывания де Местра и Розавена цитируются мной по В. С. Парсамову (2003)).

Так что, как отмечают исследователи, если сравнивать А. Стурдзу с его европейскими оппонентами, тем же де Местром, то «Стурдза, безусловно, либеральнее Местра» (Парсамов, 2003)⁷.

⁷ Причем особенно привлекает внимание: Стурдза, проводя сравнение России с Европой в пользу первой, с другой стороны, подчеркивает и пагубность

Де Местр и Розавен считают абсолютно необходимым обращение русских в «европейскую веру». Тогда как российские мыслители, даже осуждая Европу, все же готовы ее уважать такой, какая она есть, и именно призывают к толерантности. Тот же Тютчев выразил это прямо: «Россия вполне готова уважать историческую законность Запада... уважать не только в принципе, но даже со всеми крайними последствиями, даже с ее увлечениями и слабостями...» (Тютчев, 1913: 292).

Поэтому, думается, нам всем сегодня, и Западу, и постсоветскому миру, действительно стоит перечитать Александра Стурдзу. И прислушаться ко многим его мыслям — в поисках истинного либерализма. Либерализма, который не делится на «либерализм для своих» и «либерализм для чужих», не исповедует «двойной правды».

И Западу, и постсоветскому миру стоит научиться чаще смотреть в зеркало и обуздывать стремление к прозелитизму, к тому, чтобы считать свой путь единственно верным и пытаться навязывать его всем остальным.

Будем помнить: «Человек теряет в осуждении себе подобных время, которое он мог бы употребить к своему усовершенствованию».

безоглядного патриотизма (так легко перерастающего в шовинизм). Он пишет: «Любовь к родине без любви всеобщей становится пагубным сумасбродством, слепым и необузданным инстинктом».

Поэтому хотя в позиции Стурдзы, безусловно, прослеживается стремление к апологии России, но также очевидно, что Стурдза пришел к своим мыслям отнюдь не из того «настырного прозелитизма», который сам осуждает и который, безусловно, плохо уживается с истинным либерализмом.

Так что Стурдза либеральнее не только де Местра и Розавена — он, безусловно, намного либеральнее и тех же Достоевского и Данилевского.

**CONSIDÉRATIONS
SUR LA DOCTRINE ET L'ESPRIT
DE L'ÉGLISE ORTODOXE**

PAR ALEXANDRE DE STOURDZA

**DE L'IMPRIMERIE DU BUREAU D'INDUSTRIE
WEIMAR
1816**

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
ОБ УЧЕНИИ И ДУХЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА СТУРДЗЫ**

**ТИПОГРАФИЯ BUREAU D'IDUSTRIE
ВЕЙМАР
1816**

ВВЕДЕНИЕ

Сочинение, предлагаемое сейчас публике, было вызвано настоятельно и обоснованно требующими своего разрешения причинами. Попытки нескольких инославных христиан в России посеять волнения, возбудить сомнения среди верующих о чистоте догматов Восточной церкви; разномыслие, возникшее недавно из этого столкновения мнений в столице, короче, открытое нападение против государственной религии вызвали необходимость нарушить молчание и защищаться, будучи атакованными.

Таков внушаемый убеждением долг наш, который не может быть порицаем во имя любви к ближнему. Раскрывая всю чистоту и совершенство догматов православной церкви, автор совершенно не имел в виду ни возмущать сознание людей, ни приобретать сторонников. Замысел сочинения продиктован смирением и правдой, как и рассуждения в нем *об учении и духе Восточной церкви*.

Какая бы ни была полезность этого труда для назидания православных христиан, ему предшествовали долгие раздумья, колебания и опасения возбудить неуместные и тяжелые споры в то время, когда все христиане без различия должны бы объединиться в борьбе против неверия и развращения. Но несмотря на отвращение к спорам, было признано необходимым прибегнуть к естественному праву на защиту и опровергнуть усилия заблуждения силой правды.

Доводы, на которые мы с необходимостью ссылались в защиту учения Восточной церкви, могли исходить только из определения точки зрения, с которой следует рассматривать христианство как целое. Именно эта необходимость обратиться к основам любой религии вдохновила на изложение теории, которую читатель найдет во введении этого сочинения. Эта теория рассматривает религию в ее отношениях к общественному бытию и его установлениям как порождения этого бытия. Именно это мы раскроем нашим читателям в следующих положениях.

Совокупность сочетаний, к которым принадлежат человеческие знания, относятся к трем главным объектам. Бог, человек и природа в их бесчисленных отношениях составляют сферу знания, *центр которого везде*, как сказал один философ, *а окружность — нигде*. Человек — это опосредующее орудие между Существом, которое его создало, и творениями, которые его окружают; <это> пункт стечения, <связующий центр>, где

соединяются вдохновения Блага, или принцип сохранения, влияние Зла — всеобщая противодействующая сила, и впечатления природного Красивого — символ высшего совершенства в границах времени и пространства. Человек, говорю я, должен изучать и знать самого себя, прежде возможности удостовериться в реальности своих восприятий и отдавать отчет о своих успехах и судьбе. Но человек, обращаясь к себе, не мог бы себя рассматривать с одной исключительной точки зрения. Многочисленность причин, действующих на его существо и изменяющих его тысячью разных способов, становится основанием для огромного количества контрастов и гармоний, одновременно его характеризующих.

Религия в ее отношениях с основными законами общества

Первая сторона, которой человек предстает перед наблюдателем, — его физическое строение. Человек прежде всего организован физически — это первая ступень человеческого существования, которая подчиняет его *законам естественных потребностей*¹. Он — существо, *обладающее разумом и чувствами*, и это его второе свойство, подчиняющее его законам природы. Он существо *общественное и способное к усовершенствованию*, что вызывает возникновение положительных общественных законов. Наконец, человек существо *бессмертное и падшее*, и эта тенденция устанавливает необходимость *закона откровения*.

И от гармонии между этими четырьмя законами, или первичными силами, зависит совершенство личного и общественного бытия.

Сочетаясь между собой, эти законы становятся источниками бесконечного количества потребностей и множества обязанностей. Потребности по преимуществу относятся к ведомству правительства, а обязанности определяются воспитанием и образованием. Эти два источника знаний — плод размышления людей, не смогли бы удержаться отдельно друг от друга, и оба имеют только одну цель — *избавить человека в обществе от конфликта между его потребностями и его обязанностями*.

Таков всеобщий тип общественного состояния, только формы его проявления имеют случайный характер и должны оцениваться единственно на основе исходного принципа.

Это так как для народов, так и отдельных людей. И первым, и последним нужно удовлетворять свои потребности и выполнять свои обязанности. Единственная задача любого правительства состоит в установлении постоянного соотношения, спасительной гармонии между этими всемогущими движителями.

¹ Цицерон, Гуго Гроций, Пуффендорф, Ксенофонт, Аристотель, Послания св. Павла. <Здесь и далее, если не оговорено иное, все примечания принадлежат Александру Стурдзе. — Н. Е.>

Потребности какого-либо народа могут быть разными. Они могут быть *действительными* или *искусственными*, *частными* или *общими*. Его обязанности двойственны по природе. Как отдельное и отличное целое первым долгом народа является сохранить свою природу и остаться самим собой. Как часть этого целого долг его — подчиниться всемирному движению и идти вместе с родом человеческим.

Созерцая в особенности эту бесконечную борьбу между главными пружинами, заставляющими двигаться род человеческий, необходимость мощной посредствующей силы между потребностями и обязанностями человека, между его склонностями и судьбой проявляется во всей своей силе. И какова эта посредствующая сила, если это не сила веры?

И действительно, по сущности своей только религиозные идеи всеобщие, неиссякаемы, как Божество, неисчерпаемы, как природа. Только они могут согласить частные интересы с общественными и интересы какого-либо народа и рода человеческого. Только религиозные идеи имеют свойство воздействовать на разум и сердце, воображение и рассуждение.

Подобно той точке опоры, которую требовал когда-то один геометр, чтобы сдвинуть земной шар, религия, власть которой простирается на другой род вещей, только она одна имеет постоянное и общее влияние на дух человека. Судья-посредник всех общественных соглашений, всех личных обязательств, одна только религия может осуществить сближение между нуждами и обязанностями человека и цементировать настоящим братством связь между всеми народами. Совокупность всех религиозных идей, как бы они ни были, впрочем, различны в зависимости от времени и места, тем не менее неопровержимое выражение вездесущия Божьего и постоянного действия Создателя на свои творения.

Эти идеи — достояние человека, следствие двойного откровения. Первое есть проявление Бога в природе. Второе — Его союз с родом человеческим во времени, т. е. пришествие Божественного Глагола, Господа нашего Иисуса Христа. Первое откровение заявляет о бесконечной мудрости и могуществе, другое — откровение любви. Эти два образа откровения человеку восходят к одной и той же эпохе, так как Бог, нанеся отпечаток на все Свои творения, передал образ Свой только одному роду избранных существ. Этот образ — проявление непосредственности <spontanéité> человека, знак всемогущества Божьего. Это качество включает в себя необходимость более непосредственного откровения, чем то, которое осуществляется законами и гармонией природы. Бог действует на все творения, но говорит только с человеком. Это слово всемогуще, потому что все любовь, звучащая до скончания веков. Оно прозвучало первому человеку, чтобы открыть ему, что только одному Богу принадлежит присоединить *знание к любви*.

Кто говорит слово, извещает убеждение и любовь. Убеждение и любовь исключают идею принуждения. Этим самым они устанавливают принцип свободы. Итак, очевидно, что принять Верховное существо, бесконечная

любовь Которого создала все вещи,— это исповедовать свободную волю человека, без которой творение было бы только проявлением могущества и славы Господней, но не проявлением любви. Слово, т. е. любовь; Иисус Христос, Всесоздатель, был распят из-за первого прегрешения человека. С тех пор Провидение определяет избранников своих для скрытой передачи великой тайны, которая должна быть открыта в свое время.

Таков первый источник христианства, который, по свидетельству св. Августина², существовал (как духовный культ искупления) *с начала мира*.

Все другие религиозные доктрины, какими бы они ни были в своем ужасающем разнообразии, были только ответвлениями этого огромного древа возрождения (перерождения) и жизни, возникшими на лоне гниения и смерти. Эти доктрины — только предчувствия, полученные созерцанием природы, частные культы, основанные на знаниях нескольких своих секретов или воспоминаниях, ускользнувших из лабиринта античной традиции.

Они — результат более или менее детского инстинкта, сохранившегося среди некоторых народов, погрешки разума человека, находящегося еще в детстве; наконец, все они представляются глазу наблюдателя более или менее удачными толкованиями чуда сотворения и падения первого человека. Сама их недостаточность и примешанные к ним пагубные заблуждения — в такой же степени следы былого единства религии.

Именно с этой целью в первое время существования мира Бог благословил кущи патриарха и доверил детство рода человеческого материнскому попечению природы под прекрасным небом Азии. Ребенок только что из колыбели испытал впервые свои силы на финикийском корабле, в портах Тира и Сидона и на берегах Бетики³. Его возросшая сила воздвигла египетские памятники. Подросток вскоре покинул эти местности, чтобы привязаться к земле и полностью развиться под очарованным небом Греции. И именно там он почувствовал весь свой гений. Он похитил у природы тайну прекрасного, создал искусства, угадал появление наук, обоготворил добродетели, склонялся к предчувствию праведности, прикрыл пороки цветами воображения, создал множество чудес, которые навсегда станут восхищать и разочаровывать потомков. Молодой человек достиг возраста мужества. Он потерял приветливость и возмечтал о величии. Родился Рим, достиг величия, поглотил вселенную и усеял земной шар внушительными руинами. Закат его империи был первой эпохой зрелости человеческого рода. Во время этих великих переворотов множество религиозных идей, распространившихся по лицу земли, были подвержены не менее чудесным превращениям, и все они стремились приготовить пути к воплощению Спасителя и распространению Его учения.

Часть земного шара, предназначенная для принятия Слова Господня, была в совершенно другом положении от других, как, например, Индии,

² См. Гердер «Идеи к философии истории человечества».

³ Платон. Диалоги.

заметившей только впоследствии евангельский свет. Учение о воплощении Божества, хотя и запятнанное многими заблуждениями, продержалось в Индии, чтобы восполнить долгое молчание словом жизни; и это произошло в месте, где идолопоклонство гордыни и развращения достигло своей вершины, осуществилось рождение Божественного посредника.

Отношения религии с человеческими учреждениями

Религиозные идеи, постоянно и гармонично развивающиеся при движении человеческого разума и совокупности человеческих учреждений, ведут нас от века к веку к христианской вере, этому светочу в человеческом сердце, в лабиринте прошлого и в огромности будущего. Величественное оправдание Живого Бога, единственное учение Христа указало тайну сверхъестественного совершенства, тем не менее совместимого с нашими проступками и слабостями.

Отличительные черты христианской веры

Действительно, эта возвышенная концепция, которая соединяет достоинство человека с глубочайшим смирением, принадлежит только христианству. Оно одно, как сказал один современный автор, сумело найти достоинство в покаянии и в надежде.

Одной из этих движущих сил становится исправление другого, так как раскаяние без надежды приводит к отчаянию и это отчаяние без покаяния было бы преступной гордыней. И по этим возвышенным и равно утешающим догматам можно признать Божественность христианской веры. Они возвышаются над всеми философскими сектами и придают ей характер всемирной религии. Достаточно только внимательно изучить все, что дух человеческий породил спасительного в религиозной морали, обозреть искупительные практики отдаленной древности, затем абстрактные теории стоической философии в Афинах, учение божественного Платона, в них постоянно обнаруживается некоторая линия раздела между идеалом добродетели и человеческой слабостью. Праведное и грешное в них представлено двумя сущностями совершенно различной природы и навек несовместимыми. Воображение законодателя создало пропасть между двумя крайностями и не указывает никакого средства их объединить. Только религия построила мост над пропастью, которая их разделяет, помещая выше всех человеческих добродетелей надежду, которая смягчает и объясняет тяготы этой жизни, и покаяние, заглаживающее все заблуждения. Только одной этой мыслью христианство разрушает и делает бесполезными памятники страха, все призрачные искупления, все кровавые жертвоприношения, которое свидетельствовали о бессильном страхе, обуревавшем разум человека. Оно заставило

умолкнуть прельщения, порожденные властью бездны, и заменило их чашей возрождения и жизни, эмблемой питания тела, к которой приходят утолять жажду и царь, и подданный, богат и бедняк, добродетельный человек и падший грешник. Развернув восстановительные и целительные усилия по отношению внешнему и внутреннему человеку, христианство старалось доказать сродство греха и физической боли. Всегда в согласии с законами общественного существования религия устанавливает через свое посредство единственный способ нехимического равенства среди бесконечного множества организаций, она именно та, которая основывается на равенстве прав в глазах Высшего Судьи, облеченного полнотой могущества и отцовства. Христианская религия, являясь проявлением бесконечной любви, должна наставлять людей догматам любви к ближнему наряду с действенностью покаяния и из них сделала завет Создателя с людьми. И действительно, любовь к ближнему — не только естественная склонность души, почувствовавшей ее из собственного опыта. И более того. Она входит в общий замысел Провидения и способствует его воплощению. Помогать недостаточному, несчастному, виновному человеку — возвращать в общественный порядок это равенство, справедливое распределение благодеяний Божьих, которое изгоняется злоупотреблениями свободной воли, это означает предупреждение революций и всех бедствий, посещающих мир, помощь в сохранении человеческих учреждений, которым угрожает столкновение между потребностями и долгом, избавить бесконечную любовь от совершенного проявления ее всемогущества. *Бедный — это Иисус Христос*, по высокому слову евангельскому, истина, которую разум человеческий, вдохновленный поэтическим гением, слабо предчувствовал, когда внушил Гомеру великое правило, что *бедняк и чужестранец посланы Юпитером*.

К этим отличительным атрибутам христианская религия присоединяет свойство объединять крайности и перемешивать их в общем центре. Она одна объединяет идеал с реальностью, величие — со смирением, простое — с возвышенным, широкую доступность наставлений — с высочайшей глубиной мудрости. Она показывает таинства для укрепления веры, она прорицает бедствия и преследования для возбуждения любви к ближнему, обещает будущую жизнь, способствуя раскаянию и надежде. Философы до Богочеловека настоятельно призывали к справедливости, честности, скромности, воздержности и трезвости, страсти к славе, любви к Родине, к бранным, несовершенным и призрачным добродетелям, пока дух человеческий не сможет возродиться из своего истинного источника. Это была проповедь последствий какого-то неизвестного принципа. Так, правосудие без любви к ближнему, без поклонения Верховному Воздаятелю часто только беззаконие. Скромность без смирения — только чистое лицемерие. Воздержание без чистосердечия — только малодушная и лукавая осторожность. Жажда славы без презрения почестей — преступная склонность. Любовь к Родине без любви всеобщей становится пагубным сумасбродством, слепым и необузданным инстинктом.

Не довольствуясь восхождением к настоящему источнику всех добродетелей, вера тщательно исследовала корни зла, сокрушающие род человеческий, и раскрыла страшные тайны гордыни как основы мятежа, раздора и скорби.

Активно противодействуя распространению этой всеобщей заразы, христианская церковь освящает все возрасты жизни, все отрасли общественной жизни, все классы граждан, включая одновременно всего человека с помощью чувств, сердца и разума, она устанавливает совершенную гармонию между внешним и внутренним культом.

Гармония, которая должна существовать между этими двумя видами культа, основывается на подражании Иисусу Христу. И это подражание покоится на фундаментальном догмате, переданном нам древним законом, когда в начале книги Бытия он заявляет падшему человеку, что он создан *по образу и подобию Божьему*.

Подражание, ставшее доступным человеку, служит воспроизведению в нас всех черт подобия с этим небесным образом Бога, скрытым природой. Оно доказывает святое сродство христианства с таинствами первобытного мира.

Человеческий род, восстановленный этой заповедью в полноте своих прав, восчувствовал следствия возвращенного ему достоинства и изменил многие общественные установления по этому образу величия.

Равенство в правах между полами было одним из главных следствий этого утешительного принципа. Женщины, поработанные на всем лице земли как полигамией, так и огромным числом других ужасных и абсурдных обычаев, получили часть должной им свободы и приобретают права мужчин только под покровительственным влиянием религии. Обреченные рожать в муках и в полном рабстве, они воспользовались законным равенством только тогда, когда одна из них понесла в чреве своем Того, Кто должен был освободить весь род людской, низведенный до рабского состояния, искупить все его прогрешения и вынести все его скорби. Эта поразительная аналогия между истинами старого закона и их применением в новом доказывает с очевидностью, что культ любви наиболее способствует свободе⁴.

И воистину эгоизм является основой раздора и разобщенности, ведущих человека к тому, что он начинает считать себя единственным центром, к которому должно сходиться все, что его окружает. Эгоизм этим самым предполагает в себе источник вражды и злобы, стремление к притеснению,

⁴ Баадер Франц (Baader). О необходимости более тесной связи между верой и политикой.

исключающему идею любви. Итак, только в любви настоящая основа свободы, потому что, в сущности, она естественная притягательная сила, внутреннее побуждение, а не внешнее принуждение. И только христианская вера способна придать энергию жизни мельчайшей частице политических организмов, побуждает каждого человека действовать по внутренним побуждениям, в то же время не отделяя его от себе подобных, не порывая связи с обществом.

Таковы дух и отличительные черты учения Богочеловека, распространяемого на земле. Ни насилие, ни соблазнение, ни убеждение, ни свидетельство — эти четыре способа не были бы достаточны среди падших народов без чудесной помощи Духа Бога во внушении учения людям.

Эти чудеса Слова свидетельствуют о высоком внутреннем превосходстве и Божественности христианства. Независимо от этих доказательств, почерпнутых в его сущности и благодетельных результатах, есть еще и внешние доказательства, которые доказывают аргюти благость и необходимость культа возрождения и любви.

Тройная точка зрения, чтобы рассмотреть и доказать религию откровения вне зависимости от ее внутреннего превосходства

Эти доказательства трех разных видов. Здесь мы ограничимся указанием на один взгляд, чтобы дополнить те доказательства, которые были кратко затронуты выше.

Первый род доказательств тот, который проистекает из физической природы во всех ее видах и проявлениях.

Второй род включает исторические доказательства, заимствованные из анналов Вселенной.

Наконец, третий вытекает из отношений между физическим миром и областями разума, рассматриваемыми как тип материальных явлений.

Единственно этот последний род еще никак не использовался. Он содержит все сокровища, все ухищрения мудрости, все невыразимые красоты бесконечной любви. Только этим путем можно надеяться возвыситься к созерцательной вере, к абсолютному убеждению, к углубленному знанию всех законов творения и их совершенства.

Именно в этих глубоко скрытых и необходимых отношениях между физическим и интеллектуальным мирами покоятся все таинства творения, искупления и благодати. Именно в этом одном месте все крайности сходятся, призма науки становится бесполезной слиянием всех внешних оттенков в один луч вечного света.

Если было бы дано человеческому уму объяснить тайну перевоплощения бесконечной любви, это посвящение в святилище не могло бы осуществиться

без доказательства того, что *материальная природа в мельчайших своих проявлениях есть представительство, осязаемая эмблема всех сочетаний, всех законов, всех свойств мира разума.*

Но если нам не принадлежит разорвать завесу, Дух Божий не запрещает человеку приоткрыть ее часть. Исходя из этого исторические и чисто физические доказательства приобретают высочайшую степень очевидности. Здание искупления, храм Бога Живого, становится единственным очагом человеческих знаний, привлекая в свою ограду почти весь род людской. Осмелимся надеяться, что Провидение сохранило и ныне для некоего высокого гения привилегию встать на этот новый путь, не поколеблемся в вере того, что великие бедствия влекут за собой великое избавление, и вспомним об общем законе творения, который как в нравственном, так и физическом смысле порождает жизнь на лоне смерти.

Прогресс и распад христианской религии

То, что Гораций сказал о Римской империи, когда, вдохновленный гением, он сравнил эту повелительницу мира с незыблемой сосной⁵, которую ураганы и топоры только глубже укореняют и укрепляют, можно применить с гораздо большим основанием к прекрасному дереву христианской веры, которое руке Всемогущего было угодно посадить в долине скорби. Это таинственное дерево, основанное на бедствиях и глубоких ранах человеческих, окропленное кровью апостолов и мучеников, слезами отшельников, предаваемое бурям страстей и мечам правителей Рима, оно одно осталось непоколебимым среди развалин этой надменной империи, поклявшейся когда-то о его гибели, это дерево, в тень которого пришли отдохнуть все варварские народы, это дерево, вершина которого теряется в будущем, смягчает лучи солнца правды, предназначенные сжечь своим пылом и грешника, и грех. Созерцая этот чудесный побег, вышедший из ветхозаветной могилы и сияющий славой своего небесного происхождения, невозможно уберечься от святого трепета и глубокого восхищения.

Но когда изучаешь обстоятельства, сопровождавшие его рост, традиционное подражание Божественному Насадителю, увековеченное его учениками, самые возвышенные догматы, внушенные самым безнравственным народам, самые сверхъестественные добродетели, противостоящие ужаснейшему разложению и разврату, смирение и терпение, обезоруживающие в конце концов преследователей, ковчег Церкви, ведомый самой отеческой властью, самой мягкой и в то же время самой абсолютной и самой энергичной; мечты о совершенстве, казавшиеся химерическими⁶, осуществившиеся в пустыне, у подножия трона, под мечом

⁵ Гораций. Песни.

⁶ Платон в различных местах, диалог «Государство».

гонителей⁷; преимущества всех форм правительств в сочетании с милосердием церковной власти, наконец, человеческую природу, побеждающую себя с помощью Божьей благодати, тогда удивление доходит до высшей степени, превосходящей наше понимание.

Таково предстающее нашим глазам вечное чудо — первые четыре века христианской эры.

Ученики Иисуса Христа трудились для спасения людей, подражая своему Божественному учителю, т. е. они создавали, не разрушая⁸, и имели над своей паствой чисто духовную власть, лишённую всякого подобия гордыни. Человек, живший под влиянием закона необходимости, естественного закона и гражданских законов своей страны, получил еще одного вождя в законе откровения, который оправдывал основу всех культов, даже разрушая их оболочку и только санкционируя общественные связи с будущим без границ. С целью предохранить человека от заразы плохого примера, христианская вера окружила его таинствами, которые ему постоянно напоминают тайны его веры и его судьбы. Она уничтожила его гордыню при помощи исповеди, закона братства, канонического покаяния, обязанности молиться и постоянно размышлять о самых удивительных истинах наряду с утешением, которым вера заполняет сердце человека. Вот почему опыт высоко высказывается за это святое учение и настоящие христиане были хорошими гражданами. Рукоположение, исходящее из единодушных желаний общин, дало христианам епископов и священников, на которых возлагаются святыя таинства, поучения и наставления паствы. Священник жил верой, и единственное его право было в ускорении прощения за обиды, проповедь единства словом, примером добродетели он способствовал прекращению скандалов, используя средства, внушаемые любовью к ближнему и предписанные канонами.

Епископ был хранителем учения, стражем и судьёй церковного благочиния, охранителем общественных нравов, надзирателем подчинённых ему пастырей. Объединение епископов в местных синодах или во вселенских соборах, представляя церковное тело во всей полноте, обладало одно властью законодательства и толкования законов, основанной на обетах Иисуса Христа. Эти законодательство и толкование были исключительно духовными, почерпнутыми в Писании и церковной традиции. В этой удивительной иерархии нет ничего похожего на узурпацию. Она есть деспотизм слова, так как носит только духовное иго Иисуса Христа и опирается только на реальные нужды нашей души. Она является монархией, так как основана на непреходящих законах и на единственной чести быть христианином⁹.

⁷ Плиний Младший. Письма; Тацит. Анналы; Тертуллиан.

⁸ Послания св. Павла; Деяния апостолов.

⁹ Монтескье. О духе законов. Флери. Диссертация о церковной истории. Деяния апостолов.

Она является аристократической республикой, поскольку управляет Церковью посредством единодушного согласия своих избранных, любви к ближнему и смирения. Она святая демократия, поскольку право избрания своих пастырей доверено всем верующим. Сколько разных начал, которыми воспользовался Дух Бога, чтобы создать новый мир. Однако время процветания Церкви не должно было длиться всегда. Люди, возведенные в высшие достоинства Церкви, скоро почувствовали развращение рода человеческого. Предсказания Иисуса Христа стали явью. Внешние терзания прекратились, но внутреннее зло, гораздо зловреднее, напало на Церковь. Заблуждения в учении или ереси, нарушение благочиния или нововведения проявились одно за другим. Трудно сказать, какое из этих двух родов злоупотреблений было пагубнее. Ереси разрывали лоно Церкви, но различные расколы послужили только появлению во всем своем свете чистоты догматов, исповедуемых большинством верующих, мудрости своих пастырей. Злоупотребления в благочинии, наоборот, проникли незаметно. Их постепенное нарастание не привлекло внимания и не встревожило глав Церкви. Зло перемешалось повсюду, заразило все институты, исказило традиционные практики, снизило их авторитет даже в глазах тех, кто были хранителями этой освященной традиции. Одним словом, злоупотребления в благочинии дали аргументы нечестивцам и предлог для распущенности непослушных христиан.

Главными злоупотреблениями в благочинии были: 1. Отлучение от Церкви. 2. Нерадивость в исполнении епитимий. 3. Ложные чудеса, ложные мощи, мошенничества разного рода, ложные традиции. 4. Присвоение светской юрисдикции, совершенно несовместимой с заботами священства и епископата, претензия, которая повлекла пагубные споры между прелатами разных епархий о первенстве; они стали впоследствии бичом и позором христианского имени. И действительно, с тех пор как пастыри присвоили себе светскую власть, верховенство стало реально выгодной целью, возбуждающей их амбиции. До тех пор пока они оставались в рамках их высокого и тяжкого служения, это первенство было только более тяжелым грузом.

Вот почему первые распри между епископатами старого и нового Рима совпадают с печальным временем, когда распад империи на Западе, теологические неистовства императоров на Востоке дали руководителям церкви прямое влияние на государственные дела и судьбы народов. В спорах бесстыдно раздиралось тело Христово, наследство Господа. Запад, залитый волнами варваров, лишенный общения, которое привязывало в прошлом к колыбели христианства, стал сценой распада церковного здания на фоне колеблющихся основ общественной жизни. Во время этих потрясений области, наиболее подверженные вторжениям народов Севера, стали прибегать к авторитету римского епископа. Он, гордясь своим преимуществом и успехами, ободренный слабостью двора в Константинополе, часто раздосадованного его посягательствами, мало-помалу усиливал свою власть за счет других епископов. Единственно занятый утверждением своей светской

власти, Римский престол мало беспокоился об искажениях в догматах и культе. И только во время столкновения по вопросу христианизации Болгарии была замечена разность подходов. Папы считали, что слишком далеко зашли, чтобы возвращаться на исходные позиции. В этой распре друг друга не щадили. Политические виды распалили страсти, внося развращающую заправку недобросовестности в эти споры. Однако справедливо будет сказать, что Западная церковь полной мерой проявила упорство и невежество. Ее соперница, основанная на чтимой земле, которая была колыбелью изначальной церкви, чувствовала свою силу в совершенном соответствии с небесным происхождением. Разрыв становился неизбежным. И он произошел (сначала при Фотии, затем при Михаиле Керуларии, патриархе в 1054 году).

Таково вкратце последовательное движение пагубной заразы, отравлявшей и разрывавшей лоно Церкви.

Мы подробно и сосредоточенно изложим все, что имеет отношение к этим пагубным спорам. Первая книга этого труда рассмотрит догматические вопросы, вторая — вопросы обряда и благочиния, третья содержит размышления о духе обеих церквей, пережитых ими превратностях и о возможности их объединения в будущем.

Пусть однажды взойдет солнце правды на затуманенном ошибками и страстями человека небосклоне. Пусть оно соблаговолит просветить наш ум в наших исследованиях, которые мы собираемся предпринять, для того чтобы, оставшись в вере отцов, нам удалось подтвердить пред всем миром для просвещения всех православных христиан, что вера Христа, так, как ее проповедует и исполняет наша Святая церковь, самая чистая и наиболее последовательно соответствует заповедям нашего Божественного Искупителя.

Конец Введения

Учитель! Чтобы мне прозреть.
Евангелие от св. Марка. Гл. 10, стих 51

КНИГА ПЕРВАЯ

ДОГМАТЫ, ПРОПОВЕДУЕМЫЕ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Глава I

О Святой Троице

Бог открывается человеку двумя разными способами. Первый, как было сказано во введении к этому труду, открывается природой. Второй есть союз всемогущего существа со свободным существом, существом, любящим по преимуществу¹⁰, с существом — предметом его любви. Это второе откровение — основа религиозной веры, единственного пути спасения человека, существа падшего и бессмертного.

Религия — наука, потому что она является проявлением сущности и атрибутов всеобщего начала существ. Она — закон, потому что в то же самое время выражение его воли.

Наука религии нам раскрывает истину — источник всех остальных. Она научает нас догмату тройственной сущности Бога.

Вера исходит из этого таинственного учения; наконец, закон религии устанавливает тройственное разветвление обязанностей человека: она раскрывает его происхождение и удел. Именно на этой части веры основываются любовь к ближнему, раскаяние и надежда.

Изложение догмата

Догмат Троицы указан во многих текстах Ветхого Завета в форме отрывочных понятий о каждом члене Божественной сущности¹¹. Более того, из-за отсутствия полного проявления догмата, отложенного ко времени прихода Спасителя, в Ветхом Завете есть много отрывков с высочайшими откровениями о безграничном могуществе Высшего существа, о бесконечной любви как части Его сущности и непостижимой мудрости в Его намерениях.

¹⁰ Никто не благ, как только один Бог. Лука 19:17.

¹¹ См. кн. Бытие, гл. 1; Псалмы Давидовы.

Там столько символов, служащих для обозначения различительных атрибутов трех лиц Троицы. И пусть нас не обвиняют в подмене простыми качествами, или атрибутами, сущностного различия трех лиц. По правде говоря, добродетели и другие качества в человеке являются простыми аксессуарами, чисто относительными эпитетами, поскольку они только более или менее эманации всеобщего принципа. Но это не так в отношении к атрибутам, которые мы обнаруживаем в Божественной природе. Это совсем не аксессуары, напротив — абсолютные и неизменные реальности, как и сущность, частями которой они являются.

Итак, бесспорно, что под обозначениями всемогущества, любви и бесконечной мудрости мы обнаруживаем в Ветхом Завете три лица обожаемой Троицы, которая должна была определиться сама собой только в своих аналогиях во время исполнения обетов роду человеческому. Новый Завет Создателя с людьми дает четкое и ясное выражение этому недоступному догмату. Разрывается завеса храма, потрясается вся природа, затемняется солнце времени, и поднимается солнце вечности, земля открывает свои гробницы, небо изливает свои сокровища, и человек призывается к познанию своего Бога.

Иисус Христос, рожденный от лона Девы, возвещается как сын Вечного Отца. Христос прославляет Его своими деяниями, обожает Его как представитель человеческой природы и обещает своим братьям¹² приход Утешителя, Святого Духа, предназначенного выполнить предназначение Богочеловека.

Этот акт Божества, связующий летописи человеческого рода с безграничной вечностью и в то же время соответствующий общему закону, управляющему вещами этого мира; он превосходно согласуется с движением действующего человеческого разума. И в самом деле, это мощь, сила, которая во всем, принцип и мотив. Любовь порождает и развивает, повинувшись полученному побуждению. Наконец, это мудрость, утверждающая, пересматривающая и освящающая дело этих двух предыдущих принципов. Именно так создаются империи, так воспитываются и обучаются люди, создаются науки, все, что предназначено иметь какую-либо форму и длительность во времени. Принцип любого существования, всякого творения, следовательно, идентичен, и Бог, раскрывая тип Своего существа, как и план бесконечного Провидения, следует тому же правилу, какое предписал нашему разуму. Какой источник для восхищения, убеждения и признательности!..

Античность предчувствовала свойства и предназначение троичного числа. Скорее в ней была смутная традиция первых веков мироздания. Либо в нем хотели видеть простой знак, либо соглашались приписывать внутреннюю сущность и ценность, тем не менее истина то, что таинственный треугольник содержит таинственный Божественный и человеческий принцип. Его вершина — единица, порождающая двойку, которая своими двумя расходящимися сторонами характеризует возрастающий к бесконечности ряд

¹² См. Евангелия св. Марка, св. Матфея, св. Иоанна и св. Луки.

существ. Рассматривая этот треугольник с противоположной точки зрения, он становится эмблемой первичной связи двух существ, слиянием которых рождается новое существо. Даже за исключением этого, нельзя не восхититься и удивиться, обнаруживая это сочетание троичного числа во всех гармониях разума и природы. Мы приведем здесь только несколько. Три свойства души, по Платону и другим философам, три несовершенства человека, им соответствующие, три акта человеческой природы, т. е. восприятие, решение и действие. Тройное разделение времени, соответствующее всем мгновениям нашего существования, рождает в нас воспоминания, осознание нас самих и предвидение. Три члена силлогизма; три ветви чувственной способности представления, я хочу сказать, желание, наслаждение и воспроизведение в воображении, составляют три элемента счастья, три теологические добродетели, три принципа существования: порождение, сохранение и размножение, три царства природы, три измерения материи и другие соотношения. Эти аналогии можно добросовестно рассматривать как случайные¹³; и особенно когда их применяют к этому высокому тексту Книги Бытия, ключа всех открытий, сделанных человеческим разумом в этих возвышенных областях.

Бог создал человека по своему образу и подобию

Итак, человек очевидно троичен; рассматривая ли его с нравственной точки зрения как результат разума, чувства и воли или беря все его существо как целое, в нем находим *думающее начало, начало жизни и материальных форм*, или, наконец, рассматривая его в отношении к Вселенной и ему подобным, т. е. как существо деятельное.

Отсюда человек проявляется в трех атрибутах, включающих и поглощающих все остальные, — это *мысль, слово и дело*. Здесь раскрываются великие аналогии между Создателем и его творением — людьми, такие как об этом свидетельствует Святое Писание.

Постараемся раскрыть их, чтобы наше исследование привело к признанию чистоты догмата, проповедуемого нашей Церковью.

Все гармония в творении, гармония существует и в откровениях веры. Моисей в начале Книги Бытия нам сообщает о таинственном подобии человека с Создателем. Св. Иоанн, любимый ученик Богочеловека, нам объявляет о вечном существовании Слова. Хотя нелегко уяснить с первого взгляда родство этих двух текстов Святого Писания, тем не менее верно, что они взаимно объясняют и дополняют друг друга. Тот же самый евангелист добавляет, что все свершившееся было сделано со Словом. Всякий вдумчивый

¹³ Число 4, почитаемое Пифагором, так последовательно логичным в математике, освящено знаком креста. Сочетаясь с числом 3, оно дает число 7, являющееся архетипом функций нашей планетарной системы.

рассудок спросит, что означает наименование второго члена Троицы. Чтобы смочь отдать себе в этом отчет, нужно прибегнуть к догмату подобия Бога и его творения. Человек троичен в соответствии с архетипом *того, что существует*. Мысль, слово и дело человеческое вечно представляют в нем три лица Божественной сущности. Мысль — это невидимый Отец, Породитель всех существ, Начало жизни и действия, непостижимый разуму Животворитель. Речь человека — это Сын, она существует наряду с мыслью и ею постоянно порождается. Она имеет в основе своей творческий характер, единственно доступна и ощутима, единственная точка контакта между миром физическим и миром мысли. Действие часто исходит из речи, но ей предшествует по своей сути мысль, единственно необходимый двигатель и вечное начало. И действительно, слово, не выраженное в речи, не является абсолютным и необходимым посредником между моим желанием двинуть какой-либо частью моего тела и действием, которое последует за этим желанием. Таким же образом *Святой Дух, действие, свершение*, проистекает и происходит в сущности из мысли, из органов чувств (*sensorium*), хотя чаще всего ей предшествует слово или мысль им вызывается. Это Святой Дух, свершитель и исполнитель всех вещей. *Отец, мысль*, проявляется и обретает материальную форму только через *Сына*, через *слово*, и действует только через *Дух*, что есть *действие*.

Вот причина, по которой св. Иоанн, в согласии с Моисеем, потому что патриарх направлял его писания через столько веков, указывает на Иисуса Христа под именем Слова, единственным знаком, который может напоминать Его нашему разуму.

Есть ли необходимость в изложении более поздних событий, чтобы констатировать в глазах всякого беспристрастного человека подлинность абстрактного принципа, посвященного Божественным откровениям, с Символом веры, установленным на Никейском и Константинопольском соборах, и исповедуемого без какого-либо искажения православной церковью.

Произвольное добавление *filioque* <и от Сына исхождение Святого Духа. — *H. E.*> — грех против основополагающей аналогии, что существует между тремя лицами Троицы; оно искажает простые и той же степени вечные идеи, оно противоречит природе как человека, так и Божества; одним словом, оно покушается не только на первичное изложение догмата, основанного на целой цепочке писаний, но оно также разрушает и искажает глубокий смысл исходной идеи, для которой все остальные только следствия.

Впрочем, не будет достаточным помыслить о высоком соответствии, установившемся между высказанным словом, конкретной эманацией человеческой души, и словом вечным, порожденным Всевышним. Свойства слова по сути своей непостижимы. Единственное явление, принадлежащее одинаково к физическому миру и миру идей, слово, обезоруживает порывы безудержных страстей, дает волю самым возвышенным чувствам, успокаивает боли души и сердца, умножает порывы благородного сердца. Слово —

чудесный ключ, открывающий источник наших слез, проникает в извилистые уголки, где свернулись наши жгучие боли и горькие печали. Оно одно облегчает сердце от груза тягот, дает услышать сладостные звуки симпатии, нежные мелодии надежды и возрождает далекие отзвуки былого. Слово — чудо само по себе, потому что двойственно по своей природе, в нем и дух, и материя. Слово — это непостижимая тайна, оно одно может открыть секрет нашего существования и наших судеб. Оно самая внутренне глубокая связь, единственное место соприкосновения между миром нравственности и физической природой. Исходя из мысли, которой оно является материализованным образом, этот Божественный протей, слово, надевает на себя одеяния всех народов. На крыльях голоса оно стремится в атмосферу и там носит зародыш одушевляющего его интеллекта для просвещения и утешения смертных. Какой тип более реален, более утешителен, более восхитителен этого Божественного искупителя, который тайной своих двух различных, тесно объединенных натур причастен и небу, и земле, Божественной сущности и бедам человеческим, хрупкости времени и покою вечности. Пока не слышится слово, размышление, написанное в тишине на челе человека, чувство, которое взрывается в фокусе его взгляда, никогда полностью не доступно его ближнему, который считает себя незванным разделить его.

Так же накрытая голова Моисея на вершине Синая, чаши дарохранительницы, куст, горящий символическим огнем (неопалимая купина), мана, исчезающая с росой, волны Красного моря, нагромождающиеся валами, нагрудник первосвященника, испещренный огненными буквами, завеса, колеблющая между святой святых, и ладан священства — непостижимые тайны без присутствия Богочеловека, голос которого наставлял книжников и священников, жизнь которого спасала, излечивала, наставляла человеческую природу, смерть которого разорвала покров тайны, подорвав основы этого пышного храма, свидетеля стольких чудес и обреченного с этого дня факелам поджигателей из охраны Тита.

Слово человека исходит и увековечивается, переходя из уст в уста, из рук в руки, с помощью хрупкого лоскута бумаги и бессмертной традиции: скромный, но верный знак Божественного Слова, пожертвованного нашей скверне и каждый день поносимого, чувственные виды и образы которого так соответствуют нуждам нашим в соразмерности нашей слабости. Доказав таким образом чистоту догмата рядом философских теорем, содержащих самые высокие истины веры, мы коснемся ряда фактических доказательств для доказательства того, что православная церковь, оставшаяся верной духовно и в обрядах вероисповеданию первого христианства, наставляет и исповедует только то, что исповедовали и проповедовали Отцы Никейского собора. Эта скрупулезная приверженность даже к самой букве Символа веры и букве Евангелия основывается на смиренном и глубоком убеждении, что, когда речь идет о недоступном разуму человеческому догмату, не следует слишком ограничиваться явно выраженному смыслу текста, который в подобном случае строго соответствует Духу.

Святые Отцы Константинопольского собора чувствовали в этом необходимость; вот почему, призванные возвестить словом и письмом догмат, намного превышающий человеческое понятие, они были принуждены ограничиться верным переписыванием евангельского текста, что говорит подлинными словами: *Дух истины исходит от Отца*¹⁴. Буква оживотворяет в подобном случае, так же как и сам Дух, и не может быть в противоречии с ним. Потому что во всех проявлениях, относящихся к науке религии, исходя из установленного выше различения, ничто не маловажно, ничто не способно к произвольному развитию. Это, так сказать, в такой же степени алгебраические формулы, представляющие абсолютную реальность. Если существует точка совпадения между математическими истинами и истинами метафизическими, эта точка могла бы существовать только в выражении фундаментального догмата, который один объединяет разум с материальными формами, Божество и человечество, бесконечное с конечным и приводит эти крайности к общему началу.

Математическая точность необходима в исследовании подобных откровений. Малейшее отклонение влечет нас в пропасть и позволяет новые ошибки. Есть только закон веры, требующий разностороннего применения и развития, чтобы продвигаться вперед одновременно с личными и общественными нуждами и задачами. Напротив, наука или умозрительная часть религии есть абсолютная истина, и горе тому, кто осмелится посягнуть на самую форму Ковчега Господа. Это то, что постоянно отмечали первые соборы, это то, что православная церковь поддерживает с мужественным постоянством вопреки средневековым воплям схоластики. Она — здание, блистающее древностью и юностью, которое ни время, ни беды не смогут поколебать.

Западная церковь отошла от этого простого и светлого пути. Она начала снисходительностью к нововведениям, а закончила соучастием в них. Это произошло, по свидетельствам некоторых авторов, в пятом веке. Церковь Испании, обратив в христианство визиготов, ввело искажение *filioque* в Символ веры, до того времени бывший неприкосновенным.

Желая, как заявлялось, предохранить новообращенных визиготов от яда арианства, проникавшего со всех сторон, епископы Испании, одержимые святотатственной отвагой и присвоив себе права, которые могла осуществлять только одна Вселенская церковь, рассудили приемлемым расширить статью происхождения *Сына*, расценив ее как дополнительное признание его Божественности. Ошибка прискорбна, но она не имела бы столь пагубных последствий, если бы Римский престол, более посвященный в таинства христианства, отверг славу энергично отречься от заблуждения, признаться

¹⁴ Евангелие от Иоанна 15:26.

в ошибке, столь предосудительной делу Господа. Произошло противоположное, и ее возрастающее упорство довершило зло, начало которому подготовило невежество.

Впрочем, по мнению гораздо более авторитетных авторов, кажется, что эта ошибка восходит не к столь отдаленным временам. И что только к концу восьмого столетия несколько нововводителей галльской церкви покусились на чистоту Символа веры этой дерзкой прибавкой в текст и в 809 году она возбудила очень тяжелые споры на Аквитанском соборе.

Как бы то ни было, Западная церковь признает авторитет семи соборов в догматике и церковном благочинии. Она проповедует абсолютное подчинение решениям этих великих и торжественных собраний. Она громко заявляет, что Дух Святой, витавший во время их обсуждений, представляет всем верующим самую верную гарантию их непогрешимости. Она налагает на любого христианина долг подчинить свое собственное суждение суждению вселенских соборов, покорствоваться их постановлениям. В полном теоретическом согласии со своей старшей сестрой, Восточной церковью, она произвольно отходит от всех охранительных принципов, как только дело касается их претворения в жизнь. Преданная необъяснимым противоречиям, римская церковь нарушает то, что почитает, искажает то, что советует сохранить в целостности, подает пример уклонений своей собственной пастве, и что еще более чрезвычайно, она молча признает свои ошибки, потому что не может их отрицать на деле, но отказывается излечиться от них. В самом деле, поведение Римского престола по отношению к тем, коих он называет греко-униатами, предлагает самое убедительное доказательство истинности наших утверждений. Римский престол не делает возражений по догмату преосуществления Святого Духа, уступает по многим вопросам догматики и благочиния, разрешает униатам исполнение целого ряда обрядов, чуждых Римской церкви, и не настаивает на принципе верховенства Римского престола. Следовательно, существуют очевидные противоречия и недобросовестность в этой системе примирения. Это означает временное объединение, вместо того что работать на объединение в духе и истине. Очевидно, оно означает пожертвовать догматом прерогативам, отдать в жертву материального интереса духовное единство, которое одно истинно, внешнему и чисто призрачному¹⁵.

Но вне зависимости от этих размышлений, раскрывающих глубокое убеждение в том, что Западная церковь совершает ошибки и, бесспорно, что она находится перед тройным выбором: или смягчить важность догмата, который они исказили, или отрицать авторитет Константинопольского собора, или, наконец, признать недействительными свои решения последующими распоряжениями. Что касается первого суждения, оно достаточно подвергалось нападениям и опровержениям в начале этой главы, поисками,

¹⁵ См. Jean Zoernicabius. Tom I.

сделанными нами, глубокого смысла, который содержит этот Символ веры с метафизической, естественной и религиозной точки зрения.

Отрицать авторитет семи соборов означало бы опрокинуть все здание христианского учения, что ни один богослов Западной церкви не осмелится ни выдвинуть, ни поддержать. Остается, следовательно, спасительная возможность противопоставить авторитету Святых Отцов Константинопольского собора авторитет Тридентского собора, который они хотели бы рассматривать как имеющий вселенский характер. Но не говоря об огромных скандалах, которыми полна история этого собрания, неучастие в нем Восточной церкви во всех его актах достаточно для разрушения всего его престижа, не оставляет никакого сомнения насчет второстепенного уровня, который следует ему определить. Как бы то ни было, предположим на минуту, что Тридентский собор имеет право представлять и говорить от имени Вселенской церкви. Исходя из самой этой гипотезы невозможно иметь право отменять и противоречить решениям предшествующих соборов. Эта истина становится особенно очевидна, когда речь идет о догмате, который шестиве времени не смогло подвергнуть никакому искажению, как это могло быть в случае обрядов и церковного благочиния.

Когда речь идет только о человеческих законах, нельзя отрицать, что та же самая власть, издавшая закон, имеет право его отменить. В этом бесспорный в теории принцип, спасительный в применении. Без него все человеческие учреждения, устарев, не могли обновиться. Но это не так в законодательной силе, данной церкви. Поскольку она покоится только на обетах Спасителя и на уверенности в Божественном вдохновении, которое дает правила их претворения в жизнь, ничто не может покушаться на догмат, возведенный представительством Вселенской церкви. Никакое экуменическое собрание не имеет власти отмены в отношении догмата, того, что было утверждено предшествующим собранием. Бог никогда не отрекается, его влияние безгранично и абсолютно. Слово Его едино, как истина, которой оно служит выражением, и всякий собор, который искажает и противоречит тому, что было определено предшествующими соборами, раскрывает этим самым ложность его духовного предназначения. Он грешит против Святого Духа, которого он профанирует неотъемлемые дары, и становится орудием духа тьмы, вместо того чтобы способствовать преуспеянию дела Господа. Пусть после этого рассудит читатель, можно ли опираться на авторитет Тридентского собора, чтобы оправдать искажение догмата исхождения Святого Духа!..¹⁶

Таковы размышления, которые мы собираемся предложить нашим читателям, о высоких догматах Троицы и исхождения Святого Духа¹⁷. Абстракт-

¹⁶ Константинопольский собор в своих деяниях запрещает и осуждает в такой степени любое искажение Символа веры, что даже запрещает добавлять в него то, что бы соответствовало истине.

¹⁷ См. J. Zoernicabuns.

ные и фактические доказательства работают совместно для определения их чистоты и высокой важности. Православная церковь, всегда в согласии с самой собой, это постоянно проповедовала во всей своей изначальной целостности. Не имея с этой точки зрения никакого заблуждения для упрека себе, она не может бояться осуждения ни Бога, ни человека. Она предстанет пред судом Высших сил, Любви и бесконечной Мудрости с книгой природы и откровения в руке. Смиренная хранительница сокровищ веры, она воззовет о чудесах Творения и услышит слова о жизни Спасителя, о прошедших веках, единодушно выступит на Его защиту и превозношение. Долгое время преследуемая на земле, эта страдающая мать верующих с доверием взглянет на солнце вечности, первые лучи которого она заметила и свято сохранила свет в границах времени и пространства. Она встанет как супруга, чтобы идти навстречу тому, кто утешает, и, окруженная во славе простыми и верными народами, она получит при свете дня правосудие Господа, эту сияющую корону, которую духу заблуждения и мрака никогда не затмить.

Конец первой главы

Глава II Об искуплении

Троица — объект науки религии. Неисчерпаемый источник размышлений, открытий и гармоний. Этот догмат содержит все начала метафизических и естественных принципов. Он лучезарный центр этой области разума, который дух человеческий призван пройти. Но это великое откровение не становится доступным и спасительным для человека только при посредничестве искупления. Между бесконечным могуществом Бога и глубоким падением человека посредник становится необходимым. И он может быть только Любовью. Так как человек рожден свободным, но вовлеченным во зло превосходящим его разумом, совращенным прельщением физической природы, нетерпеливо стремящимся наслаждаться до умения восхищаться, познавать до испытания любви, сам становится рабом и добровольно подпадает под суд Вечного суда. Но только Бесконечная любовь могла смягчить приговор всемогущества. Исходный образ, будучи стертым при соучастии человека, перестал быть собственным законом, так же как и властителем природы. Небеса, когда-то повиновавшиеся его мысли, говорят ему об его осуждении, и живая природа свидетельствует об его ошибках и слабости. Родился уголовный закон и стал царем смертных и бессмертных¹⁸, потому что

¹⁸ Пиндар.

человек оказался лишенным природного царского достоинства. Зло, принцип мятежа и разделения в морали и физическом смысле, явно определило внутренний мятеж человеческой природы.

Прекрасное отделилось от добра, астральные влияния заняли место между относительной истиной и реальностью вещей, древо познания стало приносить только горькие плоды, земля потребовала пота и слез человека, произошло разделение полов, смешались языки, кровь народов была заражена искажением разума жизни, и система общего вознаграждения заменила систему гармонии и единства. Богу было внутренне присуще создать свободные существа, способные возвыситься и пасть. Но в особенности достояло ему призвать их к себе и возродить их действием этой самой свободы. Этот ход непостижимого провидения исключает идею принуждения, как мы это заметили во введении к этому труду. Оно предполагает, следовательно, деяния Милосердия и Любви. Итак, Любовь есть необходимый посредник между всеми крайностями и основа всякого равенства. Сердце человека свидетельствует об этой истине разными привязанностями, даже самыми заурядными. Об этом же учит нас созерцание природы, в ней не может быть контакта и близкого сближения между разделенными субстанциями и ставшими разнородными, только при вмешательстве опосредствующего принципа¹⁹.

Между интеллектуальным миром и материальными формами — этот посредник, Дух жизни, неиссякаемый источник движения и размножения. Между Создателем и Его порождениями, между Вседержителем и свободной волей, между Вселенским существом и индивидом, между океаном света и отражающим зеркалом, между Богом и человеком этот посредник — Любовь, Божественный глагол, наш Господь, Иисус Христос.

Известно, что это последнее имя <Христос> совсем не несущественно или произвольно. Оно означает помазанник Божий²⁰ в зависимости от своих трех ипостасей, т. е. как Царь, как Первосвященник и как Пророк.

Богочеловек объединяет в своем лице все три атрибута, поскольку по происхождению они исходят из человеческой природы. Человек был Царем, потому что Он призван был повелевать природой. Он был Первосвященник, потому Его второе призвание было поклонение Божеству²¹. Наконец, он был Пророк, поскольку Его предназначение было предчувствовать Бога в творении и заявлять о чудесах Его всемогущества и мудрости.

Возродитель <Régénérateur> как следствие должен был объединить в себе все три отличительных и первичных атрибута падшего существа.

¹⁹ См. теорию химических ассимиляций.

²⁰ χριστός гр. помазанник божий, нем. Der Gesalbte.

²¹ Литургия св. Иоанна Златоуста.

Творение искупления, следовательно, имеет три четко различающиеся ступени. Оно начинается восстановлением человеческого рода в функции пророчества: оно призывает его к апостольскому служению, вменяя ему в обязанность свидетельствовать о проявлениях Божественного милосердия, посвящая его через веру в таинства вечности. От этой первой ступени человек, поднимаясь к своему источнику, будет возвышен до священничества, т. е. к культу Божества, в духе и истине. Затем он взойдет на трон своих праотцев и насладится полнотою всех неотъемлемых прав царствования. Это означает, что он будет господствовать над природой, последовательно прекращая повиновение злу.

Таково восходящее движение, которое было предначертано делом искупления, чтобы подняться к принципу наших злоупотреблений.

Падение человека — заразная болезнь, так как дух жизни заражен изначальной порчей, непрерывающейся цепью, которая связывает между собой все народы. Дары Божества человеку были наследственно передаваемы с самого начала. То же самое было с проявлениями зла.

Человек согрешил нравственно и физически, возжелав могущества Божества и чар природы, и совершенно справедливо, что нравственность и физическое состояние рода человеческого пострадали из-за его преступлений. Отсюда родство греха и смерти. Отсюда источник вырождения народов. Чтобы избежать последствий грехопадения, невинным потомкам нарушителя следовало бы уничтожить природные чувства и разорвать необходимую связь между причиной и следствием, отношение отца к своим детям. Отсюда рождается солидарность рода человеческого, который в глазах Бога является одним существом, по отношению к которому Он осуществляет полноту своего могущества и отеческого отношения. Таким образом, созданный человек, подчиненный общему закону, поскольку он отказался от своей отдельной независимости, не мог излечиться от постигшей его заразы. Так, как заметил Цицерон²², сравнивая «философию с медициной», первая из этих наук не могла бы совершить такой же прогресс, как медицина, принимая во внимание, что в медицине это душа врачует тело, в то время как в болезнях интеллекта душа сосредоточивается в самой себе, т. е. она должна быть в одно и то же время точка и рычаг опоры, врач и больной. Эта гипотеза подразумевает противоречие. Она исключает возможность радикального излечения без помощи и вмешательства Божества. Очевидно, это исходит из того, что человек не может возродиться своими собственными силами, что устанавливает и утверждает необходимость трудов искупления. Оно произошло во времени, в предначертанный и возвещенный пророками момент, и оно единственно подходило для распространения истины и уничтожения злого начала.

²² Цицерон «Тускуланские беседы», кн. 3, начало.

Иисус Христос сошел на землю в человеческом виде, чтобы стать доступным и очевидным людям. Зло, породившее страдание и разрушение, — это движение к пропасти — могло быть исправлено, только присоединив Высшее существо к этим самым физическим и нравственным страданиям, чтобы оно стало их врачевателем и исправителем. Божий человек <Адам. — *H. E.*> (*L'homme divin*) согрешил, и искупить его грехопадение принадлежало Богочеловеку. Единственное прегрешение вызвало падение рода человеческого, и одно искупление должно его возродить. Иисус Христос — единственный врачеватель душ и наилучшее средство их излечения. Он неиссякаем живой водой, которая закаляет природу человека в потоках возрождения и жизни. Сын Человеческий по плоти, Он принимает участие в наших бедах и судьбах. Как Брат человеческий Он сходит к нам и преломляет хлеб трудов наших и испивает чашу слез наших. Как Отец людей Он расточает нам сокровища любви и раскаяния, занявшие место восхищения и обожания, которыми поначалу заполнено было наше существование. Он один разливает в наших сердцах животворную росу Божественной благодати и зажигает в наших глазах таинственные факелы истины. Постоянно возрождающее слово на лоне высокой мысли — Иисус Христос вечно приносится в жертву на земле до пришествия Его царства. Он не просто исторический деятель, принадлежащий определенной эпохе в летописях мира, Он единственное постоянное вечное и возрождающее начало.

Искупление независимо от влияния в прошлом и в настоящем на судьбы народов и на общее движение человеческого духа производит невыразимые чудеса в глубине сердец. Оно одно порождает чудеса любви к ближнему, оплодотворяет все зародыши неведомых добродетелей. Оно — искупление — единственный противник разрушительного порока, усевшегося на тронах власти, безжалостно и безнаказанно разрушающего наши города и веси. Оно — первый святитель рождающихся и последнее утешение умирающих. Этот Божественный труд, исполняемый зримо христианством, простирает свою непоколебимую власть на все печали духа, на все иллюзии сердца, на все боли тела. Уподобляясь пахоте земли, искупление порождает жизнь на лоне мерзости и смерти. Оно входит в гробницу, спускается в притоны преступления, во все приюты добродетели и убогие жилища раскаяния. Оно взлетает над полями сражений, и его Божественное дыхание поглощает последние вздохи умирающих. Тысячи заблудших людей получают новое крещение своей крови. Наконец, оно там, где дикарь сражается против смерти, и сожалеет о нем. Так же невидима, как тепло, так же быстра, как свет, мощь искупления действует на род человеческий незаметно и медленно, но она от этого только надежнее. Наконец, искупительный акт осуществился в лице Иисуса Христа, распятого на кресте, и если ограничиться только Им, нам остается исследовать Его побуждения. Крест представляет строение человека. Он кажется сделанным исключительно для человека, и этот род казни символически характеризует все его величие и беды. Стоя, господствуя над

всем, что его окружает, руки распростерты как бы для объятия этого огромного пространства, над которым он царствует; ноги пригвождены к этой долине слез, голова в терновом венце, символы терзающих забот, сопровождающих человека до могилы, — вот человек, ессе homo, вот вид Богочеловека, которому поклоняемся на земле. Никакая другая мука не соединяет все крайности. Позорная, мучительная и искупительная у древних казнь для рабов, распятие на кресте, в то же время она возвышенна, таинственна и величественна. Истязая, она превозносит всего человека; в ней человек, стоя и без изуродования тела, переходит порог в другую жизнь. И только видя это, можно воскликнуть: *вот человек*, по высокому слову Евангелия. Чем больше размышляешь, тем больше уверяешься в том, что только через смертную муку распятия Иисус Христос мог выразить в Себе все слабости, прегрешения и проявления ничтожности человека, искупить их, очиститься от всех, представив весь род человеческий как единое существо, воскликнуть: «свершилось!» и сойти в эту глубину, вырытую грехом, которую мы зовем могилой.

Акт искупления устанавливает эту важную истину, а именно *«что человек не в состоянии возродиться собственными силами, и для этой цели ему нужно сотрудничество Божественной благодати наряду с содействием его собственной воли»*.

Эта теория действенной Божественной благодати породила большое число неправильных толкований и противоречивых мнений. Но что самое плачевное в этом, так это произвольное использование некоторыми частями Церкви принципа сколь утешительного, столько простого и светлого. Православная церковь придала и придает постоянно учению о благодати только свойственные ей значение и объем. Западная же церковь вследствие ее преувеличенных мнений о должности викария Иисуса Христа на этом свете и злоупотребления правом отпускать и прощать прегрешения обратила эту высокую истину в род исключительного права. Не обращая внимания на многочисленные обстоятельства, которые должны сопровождать акт покаяния и возрождения, Римский престол установил практику дарования в некоторых случаях индульгенций без учета всех обстоятельств. Мы уже не говорим о скандальной практике индульгенций в Германии в XVI веке, вызвавшей развитие лютеранства, о том же самом обилии отпущения грехов во время церковных юбилеев. В этом дошли до того, что стали это делать за деньги, основываясь на магической власти папства и на обетах, к которым Господь не имеет отношения. Эта профанация достоинств высшего посредника так же греховна, как и основа, на которой она стоит. Она имеет целью создать пастырей, абсолютных пользователей достоянием благодати, тогда как они только пассивные орудия ее. Подобного соблазна никогда не было в православной церкви, за что мы должны благодарить нашего Божественного повелителя, Который хотел, чтобы познавалось древо по плодам его. Мы только мимоходом отмечаем это примечательное обстоятельство как результат разногласий по учению о благодати, которое, как и многие другие,

также несостоятельно и претерпело искажение внутри Западной церкви. Подобные размышления примут другую форму во второй книге этого труда, где мы будем говорить о таинствах.

Искушение и благодать не обладают принудительной силой, эта сила действует только при определенных условиях. Чтобы поле приносило плоды, нужны сошник плуга, борозда, испытывающая его влияние, плодородное семя, рука, рассеивающая его, и обильная небесная роса, содействующие к благословлению его. Но есть бесплодные поля, существуют мятежные духи, ослепленные или закоренелые, которых Провидение предназначает к другому порядку вещей, которые отвергают влечение к искуплению. Отсюда возникает необходимость наказаний и воздаяний в другой жизни, и это то, чем мы займемся в следующей главе.

Конец второй главы

Глава III

О наказаниях и воздаяниях

Все возвещает, что порядок вещей, окружающий нас, есть часть изначального, во много раз более совершенного типа. Физическая природа является только великолепной тюрьмой человека, царственного раба, лишённого своей мощи и величия. Она представляет таинственную сторону неполного сочетания, которое нельзя объяснить, не восходя к ее происхождению и не заглядывая в будущее. Как всякое мгновение человеческой жизни необъяснимо без знания того, что было прежде и что придет ему на смену, точно так же общее существование рода человеческого и составляющих его индивидов становится объяснимым только догматом природного греха и наказаний и воздаяний, ожидающих нас в другой жизни.

У рода человеческого всегда было инстинктивное ощущение будущей жизни, служащее оправданием к Высшей справедливости, быть надеждой добрых, ужасом злых. Не существует ни одной древней традиции, которая бы не несла в себе остатки этой всеобщей веры, как у диких племен, так и у самых цивилизованных наций. Неизгладимое чувство справедливого и несправедливого, никогда не удовлетворенное на этой земле, диктует всем смертным невыразимый крик сплочения, общий народам и языкам. Он возносится до небес и раздаётся эхом в глубине веков. Однажды им ответит слово жизни, вдохнет в свои величественные созвучия, и этот сплав этих двух голосов, один из которых взывает к Божеству, а другой призывает к себе творение, породит небесное согласие вечной гармонии.

Несколько современных писателей попытались ослабить величественность догматов, проповедуемых христианством в отношении к воздаяниям

и наказаниям будущей жизни, отмечая их сродство с языческими и баснословными традициями, не обращая внимания на то, что истина едина, что отдельные отблески свидетельствуют о реальной силе породившего их луча и что здание веры, закрытое лесами веков, существовало задолго до времени, когда нам открылись его величественные паперти.

Другие авторы по опрометчивости склада ума или снисходительности натуры выступили против догмата вечности и жесткой неизменности наказания, предназначенного грешнику. Ошибочно возвеличивать их разумность до высоты такого порядка вещей, отличного от того, который нас окружает. Действительно, *время и пространство*, чисто относительные идеи, не существуют больше для души человека без земных связей.

Как только душа пересекла порог материи, она возвращается в область вечности. Это породило желание измерить ее и обозначить ее эпохи, связать наиболее противоречивые идеи, предположить ступени в неизменном порядке вещей. Нам неизвестно, до какого времени души мертвых участвуют в видимом мире: мы не знаем, как следствие, каковы действия благодати по отношению к ним; *«кто когда познал глубину Божественной мудрости?»* — Но очевидно и бесспорно, что царство вечности исключает изменения в вознаграждениях и наказаниях. Чтобы произнести какое-либо мнение по этой очень серьезной теме, следовало бы знать продолжительность зла. Желать его постичь — это значит стать виновным в самой святотатственной дерзости. Пока продолжается действие принципа, следствия остаются необходимо неизменными. Эта истина поддерживает догмат вечности, так как его исповедует православная церковь, которой мы подражаем в мудрости и смирении. Время, которое теряет человек в вопрошании предшествовавшему ему зла, было бы лучше употребленным в борьбе с ним; извиняя и защищая наши слабости и наши преступления, лелея их в надежде грубого и материального очищения, мы забываем, что главное в приношении их в жертву Богу. Зло — это разъедающая язва, существующая только в отрицательном смысле. Оно прекратится, когда больше не станет жертв. Как? Это тайна Вечного Бога²³.

Итак, прежде чем отважно спорить о вечности наказаний и произвольного толковать некоторые евангельские тексты, которые не могли бы никогда быть убедительными из-за несовершенства человеческих языков, которые все являются сколками относительных идей времени и пространства, следовало бы заранее знать, какова продолжительность зла. Но желание его постичь означало бы святотатство, как мы уже сказали выше. Нам остается только восхищаться мудрой распорядительностью нашей Церкви, которая не комментирует догмат, несоизмеримый с нашим разумением. Западная церковь не использовала, к сожалению, религиозную сдержанность и, казалось, стыдилась этого святого трепета.

²³ Писание показывает нам это время, но очень таинственно и как недоступное нам. Оно обозначено выражением: «И Бог будет все во всех».

Западная церковь в нетерпении обладания и внушения положительных идей по теме, где нельзя их иметь, потому что она не опирается на земное основание, породила и провозгласила честолюбивый догмат искупления *очистительным огнем*.

Эта ошибка исходит из ложного толкования, данного одной фразе св. Павла. Вот она: *что до него, сам спасется, но так, как бы из огня*²⁴.

Но очевидно, что невозможно вывести общий догмат из такой туманной и мало значащей перифразы. И это еще менее возможно, если изучить эту перифразу в связи с предшествующими идеями. Эта глава говорит о служении пастырей и всех тех, что работает делу Господа. Там говорится, плод их трудов подвержен огню, т. е. пожирающему действию человеческих страстей. К этому замечанию апостол немедленно добавляет, что сам работник ценой своих усилий будет спасен, «но как прошедший через огонь». Это без сомнения образное выражение, как предшествующее ему, и никак не определение искупительных путей Провидения. Оно никак не указывает на промежуточное состояние между состоянием блаженства и адскими муками проклятия. В общем, оно обозначает испытания, которым подвержен человек.

Это толкование, более описанное в этом отрывке, является только искусно придуманной басней, грубой приманкой для простых умов, злоупотреблением словами и идеями, предназначенным для расширения духовной юрисдикции за счет малодушия. Как присвоить себе право создавать по собственному произволу баснословную область вне границ времени и пространства, тогда как в Святом Писании упоминаются только геенна, где пребывают рыдание, и скрежет зубовой, и угрызения совести. Эти три атрибута адских мук не просто антропоморфизм. Слезы напоминают нам состояние текучести, начало образования и распада существ. Скрежет зубовой — заблуждения желания, cupidō <лат.>, ἐπισημητιόν <греч.>. Наконец, угрызения совести характеризуют возрождение принципа жизни угрызениями совести. Сам огонь только символ болезненного чувства, Божественного всемогущества для души, пребывающей во мраке. Все символично, таинственно, непостижимо таким образом, что исключает любое определение, так же как теория вечного блаженства. Единственная вещь, что нам позволено смутно угадывать, — это огонь, Божественное начало, заливающее избранных излучениями света, которые имеют единство в основе; и что отблеск того же огня отбрасывает на проклятых пугающую тень, оказывая на них дробящее действие, справедливое возмездие за страдания, которыми они терзали землю. Человеку не дано выйти за пределы своих дерзких предположений. Однако если он не может сделать явным всю глубину сокровищ Божественной любви, единственно доступных по их существу, как осмелился бы он подчинить своему хрупкому циркулю огромные размеры святилища справедливости и правосудия?..

²⁴ Первое послание к коринфянам 3:15.

Но именно это сделала Западная церковь принятием чистилища, от которого она сохранила для себя ключ! Что она этим получила? Дремотное успокоение сознания людей и произвольное увеличение своей власти. Из этого родилась химерическая надежда возможности договориться с Господом через посредничество и гарантию духовенства. Отсюда крайности богоугодных дел, разного вида предрассудков, индульгенций и ритуальных искуплений, сведенных к торгашеской системе. Такая грубая, как и малообоснованная, гипотеза могла породить такие же результаты. Эта новая возможность, открытая в Небесном Царстве, стала основой расчетов в пользу светской власти земного викария. Это привело к соглашению между слабостью и обманом, на что нет согласия Того, чье Царство не от мира сего. Восточная церковь, наоборот, хранила на эту тему самое почтительное молчание. Она не предназначила Божественному всепрощению человеческих путей, никогда не претендовала на выдумывание произвольных заповедей и правил за неимением положительных откровений на этот опасный предмет. Однако православная церковь вступилась за спасение мертвых и учредила торжественные молитвы, предназначенные для умилоствления правосудия Господа, за людей, предшествовавших нам в другой жизни.

Вот довод, за который с радостью хватаются иноверные, чтобы нас упрекнуть в противоречии. *Зачем, говорят они, молиться за мертвых, если не верить в некое промежуточное место и считать их судьбу безвозвратно определенной?..* Но, увы, как их жаль, тех, которых такое обычное, такое тривиальное возражение может привести согласиться с догматом, который наш Господь и его апостолы никогда не проповедовали... И как их жаль, что они мало знакомы с настоящим духом христианства! Что, из-за того, что нам неведомы таинственные пути Провидения после смерти, мы поколебались бы молиться за наших братьев и наши сердца, воспламененные горячей верой и бессметной надеждой, побоялись бы воззвать напрасно к имени Бога? Мы погнушались бы смешать наши слезы с последними вздохами умерших, и мы попросили бы отчета у Господа о наших мольбах и его повелениях?..

Но если бы так, если бы потемки нашего разума могли быть препятствием порыву наших сердец, зачем бы тогда также молиться в этой жизни? Возражение абсолютно то же самое. Если Господь — единственный судия наших судеб, обладающий полнотой предвидения и всемогущества, он может осуществлять их по отношению к нашим делам, *если сосчитаны волосы головы нашей* и биение наших сердец, для чего служат, по этому рассуждению, наши бесплодные и бессильные молитвы, что могут они для облегчения тех, кого мы любим, тех, кто идет вместе с нами по пути светских искушений? Судьба каждого из нас безвозвратно установлена, она предназначена к спасению или проклятию до появления на свет. Мы не смогли бы ей помочь или укрепить ее нашими бессильными словами и детскими пожеланиями. Дух человеческий не может проникнуть в таинственную гармонию Провидения

и свободной воли. Следовало бы из-за этого произвольно отказаться от сокровищ молитвы и погрузиться в безвольное и глупое неверие?.. Вот куда нас ведут горделивые тонкости светской схоластики. Нападая на догматы православной церкви, она разрушает один из краеугольных камней здания искупления и, подменяя, не замечая того, самым нехристианским умствованием эти чудесные вдохновения веры и смирения, кои одни нас уверяют в действительности молитвы.

Как отцы Западной церкви не заметили, считая, что они нас поставили в тупик своими кажущимися правдоподобными софизмами, основанными на поверхностно видимых противоречиях, они дают оружие врагам креста и ставят себя самих в необходимость доверять только тому, что они смогли бы объяснить без обращения к Господу?..

Что касается нас, мы молимся за усопших, потому что дело молитвы есть дыхание души, тайна Божества и единственный наш путь к Нему. Мы молимся за мертвых, потому что мы взаимно ответственны друг за друга, потому что мы верим в бесконечное милосердие без желания измерить его глубины. Но мы совсем не принимаем чистилища, потому что этот догмат нам не был заповедан, потому что все человеческие измышления еще не объясняют пути Божественной мудрости. Наконец, мы не принимаем это ошибочное изобретение, потому что нам предписано увеличивать совокупность добрых дел, но сокровище веры, это хранилище, мы призваны сохранить нетронутым. Горе тому, кто ошибается в вопросе об этом священном хранилище и предаст его биржевым игрокам, как талант евангельской притчи, чтобы возвратить его с процентами. Эти учителя откладывают платежи со дня на день, и несчастный предстанет однажды перед правосудием Господа как неверный хранитель, обменявший истину на мрак и ложь.

Итак, православная церковь просвещена истинным духом христианского смирения, когда отказывается определить пути бесконечного милосердия в другом порядке вещей, и не ограничила свое сверхъестественное действие в пределах чистилища. Сколь смиренная, столь и высокая в своих религиозных установлениях, она не отклонилась от заповедей Господа и построила на краеугольном камне, закрепленном Его кровью, только здание, возведенное и приведенное в порядок без какого-либо человеческого ухищрения, одной властью Его созидающего Слова. Никогда простые заключения не показались Церкви достаточными, чтобы установить догмат. Она не поверила тому, что текст св. Павла, упомянутый выше, или притча о богатом и Лазаре могли послужить основанием для доктрины чистилища. Из того, что эта притча предполагает диалог между праведником и проклятым, наша Церковь нашла долгом заключить, что один из них находился в некоем определенном промежуточном месте, где он принужден был искупать свои грехи. Единственное заключение, которое можно извлечь из этого, что души, ли-